

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

STANFORD LIBRARIES

DK
189
K5

KIESEWETTER.
DEVIATNADTSATYI
VEK V...

7166

А. Кизеветтеръ.

LIBRARY

Деятнадцатый вѣкъ въ исторіи Россіи.

ВОСКРЕСЕНІЕ

Цѣна 10 коп.
Изд. Н. Парамонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

Kiesewetter A.A.

947

4068.

А. Кизеветтеръ.

Сам. убо. Цент. Библ. на
Им. Ол. Бергъ въ Ростовѣ на
Донѣ. Книж. Ръчь. Ред. Ю. Ю. Ю.
Книж. Ръчь. Ред. Ю. Ю. Ю.
Книж. Ръчь. Ред. Ю. Ю. Ю.

**Девятнадцатый вѣкъ
въ исторіи Россіи.**

Цѣна 10 коп.

Изд. Н. Пармонова
„Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону.

5000

F02772

DK 189

KS

Дозволено цензурою 5 сент. 1905 г. Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Типографія „Донская Рѣчь“.
1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вступленіе	5
I. Преобразовательные опыты въ царствованіе Александра I	8
II. Секретные комитеты въ царствованіе Николая I	22
III. Крѣпостная Россія первой половины XIX вѣка	30
IV. Реформы 60-хъ годовъ	3
V. Переформенная Россія второй половины XIX вѣка	46

XIX вѣкъ въ исторіи Россіи.

Первый годъ XIX ст. начинался для Россіи при особенно счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Съ началомъ новаго столѣтія начиналось и новое царствованіе. Въ мартѣ 1801 года Россію облетѣла вѣсть о вступленіи на престолъ императора Александра I,—вѣсть не замедлившая вызвать необычайный взрывъ общественной радости. Вѣсть о перемѣнѣ царствованія была принята обществомъ, какъ вѣсть воскресенія. Улицы наполнились народомъ. Толпа пестрѣла запрещенными при Павлѣ національными костюмами, всюду сновали тройки въ опальной передѣ тѣмъ русской упряжи. Встрѣчные христосовались другъ съ другомъ, какъ въ день Свѣтлаго праздника. Появленіе молодого государя, который гулялъ по улицамъ столицы одинъ, безъ конвоя и свиты, вызывало неописуемый энтузіазмъ. Обильнымъ дождемъ посыпались навстрѣчу новаго царствованія восторженныя оды, дышавшія надеждой на свѣтлое будущее, и въ этотъ моментъ русская ода, быть можетъ, впервые сбросила съ себя привычныя оковы мертвенной риторики; въ ней тоже вдругъ зазвенѣло живое, искреннее чувство.

Въ эти достопамятныя дни всеобщаго ликованія одинъ молодой энтузіастъ тайкомъ проникъ въ кабинетъ государя и положилъ на царскій столъ объемистую рукопись.

Рукопись заключала въ себѣ горячую политическую исповѣдь. Крупными и смѣлыми штрихами здѣсь была набросана картина тѣхъ преобразованій, которыя должны создать будущее благоденствіе Россіи. Тутъ говорилось о томъ, что «другъ людей» Александръ укрѣпить въ обществѣ вѣру въ правосудіе, «безъ которой почтенныя слова: гражданинъ, отечество суть пустые звуки на языкѣ отечественномъ». Здѣсь предсказывался судъ присяжныхъ—судьи, избранные изъ народа—и подчиненіе суда общественному мнѣнію. Здѣсь говорилось о необходимости широкаго распространенія образованія во всѣхъ слояхъ народа: «не въ чертогахъ только—говорилось въ запискѣ—замкнутся науки и художества, они будутъ служить воспитанію *всего* народа, поднятію его благоденствія, послѣ того, какъ Александръ разрѣшить узы ума и таланта». Наконецъ, авторъ записки подчеркивалъ неизбѣжность и соціальной реформы: «Александръ обезпечить права человѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, ввести у нихъ собственность, поставить предѣлы ихъ зависимости».

Въ порывѣ увлеченія авторъ записки высказывалъ твердую увѣренность, что всѣ эти великія преобразованія совершатся и завершатся въ теченіе одного царствованія. Онъ и не подозревалъ, что его пылкое перо набросало программу цѣлаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ: преобразованіе суда и управленія на началахъ строгой законности, уничтоженіе крѣпостнаго права и уравниеніе всѣхъ сословій въ ихъ гражданскихъ правахъ, наконецъ, всеобщее обученіе народа и равномѣрное распространеніе просвѣщенія по всей странѣ,—развѣ все это—не самые вопросы, надъ разрѣшеніемъ которыхъ упорно и настойчиво работала цѣлая вереница поколѣній русскихъ людей, смѣнявшихъ другъ друга на жизненной сценѣ въ теченіе всего XIX столѣтія? XIX столѣтіе пережито. Оно уже предстаетъ на судъ исторіи, и мы не можемъ не спросить себя: что же дало это столѣтіе русскому обществу, вступившему въ него, какъ мы только что видѣли, съ такимъ необычай-

нымъ подъемомъ надеждъ и энергіи? Сбылись ли, хотя бы теперь, мечты молодого энтузіаста, устами котораго высказалась вся молодая Россія сто лѣтъ тому назадъ? И что мы дѣлали въ теченіе этихъ ста лѣтъ для того, чтобы хотя отчасти приблизить подлинную дѣйствительность къ возвышенному полету этихъ мечтаній? Мы хотѣли бы помочь читателю разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ. Лучшимъ къ тому средствомъ, думается намъ, послужить связанный обзоръ тѣхъ преобразовательныхъ плановъ и опытовъ, которые попеременно занимали русское правительство и общество въ теченіе пережитаго вѣка.

Преобразовательные опыты въ царствованіе Александра I.

Александръ I началъ свое царствованіе знаменитымъ обѣщаніемъ править «по законамъ и по сердцу бабки». Это счастливое выраженіе, включенное Трощинскимъ въ манифестъ о воцареніи Александра, произвело на общество магическое дѣйствіе. Всѣ объединились въ общемъ радостномъ ожиданіи того, что послѣ дней правленія Павла «воскреснетъ Екатерина изъ гроба въ прекрасномъ юношѣ». Но что же означало въ сущности это обѣщаніе? Лишь только промелькнули первые дни безотчетной радости, тотчасъ оказалось, что слова манифеста, имѣвшія такой успѣхъ, понимались весьма не одинаково. Люди различныхъ партій вкладывали въ нихъ свой особый смыслъ. Старшее поколѣніе екатерининскихъ дѣятелей, люди, выросшіе въ преданіяхъ Екатерининской эпохи, поняли эти слова въ прямомъ и буквальномъ ихъ смыслѣ. Въ ихъ глазахъ Екатерина подняла Россію на высшую точку процвѣтанія и славы; дальше итти было уже некуда, и оставалось заботиться лишь объ одномъ—сохранить это величіе и на будущее время, сберечь въ полной неприкосновенности все то, что было освящено законами премудрой монархини. И вотъ они увидѣли въ словахъ манифеста обѣщаніе, что все пойдетъ по старому: громы побѣдъ на моряхъ и воен-

ныхъ поляхъ Европы, а у себя дома—пышная роскошь двора, безконечная вереница ослѣпительныхъ празднествъ, широкая и привольная жизнь на плечахъ у дарового крепостного труда, незыблемость дарованныхъ благородному дворянству вольностей и привилегій. Вотъ что разумѣли эти люди подъ именемъ Екатерининской Россіи, вотъ какъ понимали они задачу «править по законамъ и по сердцу бабки». Въ этомъ пониманіи заключалось отрицаніе всякихъ нововведеній и преобразованій, всякихъ порывовъ впередъ.

Могли ли подписаться подъ такой программой просвѣщенные представители тогдашней передовой Россіи и прежде всего—самъ молодой государь? Нѣтъ, для нихъ слова манифеста звучали призывомъ не назадъ, а впередъ. Въ блестящей картинѣ Екатерининской эпохи они различали не мало темныхъ пятенъ. Стереть эти пятна, согласовать *теорію* екатерининской политики, провозглашенную ею въ началѣ царствованія, съ дѣйствительною практикою управленія, водворить въ Россіи истинное царство законности и гражданскаго равноправія—таковъ былъ смыслъ, влагавшійся этими людьми въ обѣщанія, торжественно провозглашенныя съ высоты трона. Они видѣли передъ собой путь, исполненный обильной, плодотворной, хотя и не легкой работы. И они были правы. Исторія не останавливается на мѣстѣ и не возвращается назадъ. Каждая эпоха непрерывно несетъ съ собой свои очередныя задачи, и лишь та общественная среда обнаруживаетъ настоящую жизнеспособность, которая стремится угадать и понять эти очередныя задачи. Уже въ самомъ началѣ XIX вѣка въ сознаніи добросовѣстныхъ и здравомыслящихъ патріотовъ вырисовывалась необходимость двухъ коренныхъ реформъ—реформы *соціальной* и реформы *политической*. Екатерина II, изложивъ въ такъ называемомъ Большомъ Наказѣ свою политическую исповѣдь, закончила это произведеніе слѣдующими словами: «Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливѣе». 2 л.

ведливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!» Увы! Екатерина даже пережила это несчастіе!.. Въ самомъ дѣлѣ, было ли исполнено «намѣреніе ея законовъ»? Въ наказѣ она писала о «равенствѣ всѣхъ гражданъ», которое «состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ» (Наказъ, глава V, ст. 34). А между тѣмъ 45% всѣхъ ея подданныхъ—все крѣпостное крестьянство—были лишены охраны какого бы то ни было закона и отданы во власть безграничнаго господскаго произвола; и это обстоятельство, помимо нарушенія основныхъ требованій справедливости, отражалось губительнѣйшимъ образомъ и на государственномъ спокойствіи (вспомнимъ пугачевщину), и на матеріальномъ благосостояніи Россіи, и на положеніи общественной нравственности. Далѣе, въ томъ же Наказѣ Екатерина нарисовала идеаль благоустроеннаго государства, въ которомъ все управленіе разсчитано на обезпеченіе свободы и безопасности гражданъ, въ которомъ «гражданинъ не боится другаго гражданина, и всѣ боятся только однихъ законовъ», въ которомъ лица, облеченныя властью, «не обращаютъ въ собственную пользу своихъ чиновъ и званій».

Что же было сдѣлано для воплощенія этого идеала въ жизни? Былъ созданъ цѣлый рядъ новыхъ учреждений для управленія губерніями и для дѣятельности этихъ учреждений были написаны прекрасныя инструкціи. Но бумажныя предписанія и бумажный контроль не въ силахъ были выкурить изъ стѣнъ канцелярій крѣпостническаго духа-произвола. Въ губерніи властвовалъ намѣстникъ, въ центрѣ—вельможные фавориты. Что получалось въ результатѣ этой системы, объ этомъ мы можемъ узнать отъ такого безпристрастнаго и компетентнаго очевидца, какъ великій князь Александръ Павловичъ, будущій императоръ Александръ I. Вотъ что писалъ онъ однажды своему другу Кочубею въ послѣдніе годы царствованія своей бабки: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный беспорядокъ».

докъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, и имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ». Итакъ, уничтоженіе крѣпостного права и упорядоченіе управленія на началахъ законности—таковы были крупнѣйшія задачи будущаго, подсказываемыя уроками прошлаго. Старые екатерининскіе дѣльцы качали головами, раздражались грозными предостереженіями и все же, несмотря на ихъ протесты, разработка отмѣченныхъ задачъ началась съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра I.

Старые екатерининскіе дѣльцы занимали всѣ видные правительственные посты и наполняли собою высшія государственныя учрежденія того времени—Сенатъ и только что образованный при самомъ воцареніи Александра—Государственный Совѣтъ.

Въ противовѣсъ вліянію этихъ сановныхъ стародумовъ около молодого государя, жаждавшего приступить къ серьезнымъ преобразованіямъ, самъ собой образовался негласный, неофициальный комитетъ, составившійся изъ личныхъ друзей Александра. Обыкновенно, по окончаніи обѣда за Высочайшимъ столомъ, послѣ кофе, императоръ удалялся. Пока гости разъѣзжались, четыре человѣка особымъ ходомъ пробирались въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями дворца. Вскорѣ туда же приходилъ государь, и здѣсь то, въ свободной дружеской бесѣдѣ, далекой отъ всякихъ условностей официального церемоніала, постепенно назрѣвали преобразовательные планы. Эти четыре интимныхъ собесѣдника государя были: Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей и Адамъ Чарторижскій. Все это были люди широко образованные, охваченные вліяніемъ передовыхъ идей своего вѣка. Ихъ планы шли очень далеко. Они думали не о частичныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ, а о коренной общегосударственной реформѣ.

Этимъ планамъ не суждено было осуществиться, и практическіе результаты работъ неофициальнаго комитета ока-

зались болѣе, чѣмъ скромными. Многія причины повліяли на эту неудачу. Во-первыхъ, преобразовательныя попытки комитета встрѣчали противодѣйствіе со стороны сановной бюрократіи. Старые сенаторы смотрѣли на членовъ комитета, какъ на «якобинскую шайку», легкомысленно толкающую Россію въ бездну съ вершины достигнутой ею славы. Всякое отступленіе отъ завѣтовъ Екатерининской эпохи они считали предосудительнымъ и опаснымъ, и даже усилія самого государя не всегда оказывались достаточными для того, чтобы сломить противодѣйствіе этой охранительной партіи. Во-вторыхъ, внутренняя преобразовательная работа, требовавшая большой сосредоточности и настойчивости, рано начала встрѣчать себѣ помѣху въ осложненіяхъ внѣшней политики. Надъ Россіей собирались грозныя тучи военной борьбы съ Наполеономъ. Прошло всего какихъ-нибудь четыре года со времени воцаренія Александра, а Россія въ самый разгаръ преобразовательныхъ попытокъ во внутреннемъ управленіи была уже вынуждена открыто вступить въ первую коалицію европейскихъ державъ (Швеціи, Англіи, Австріи) противъ Наполеона, и русскія войска уже въ началѣ 1805 года появились на военныхъ поляхъ Баваріи и Пруссіи. Этой борьбѣ суждено было затѣмъ разростись до колоссальныхъ размѣровъ; и чѣмъ болѣе разросталась она, тѣмъ все далѣе и далѣе отодвигались на задній планъ очередныя задачи внутренней политики.

Но помимо всѣхъ этихъ внѣшнихъ причинъ неуспѣха первыхъ преобразовательныхъ начинаній были и другія условія, коренившіяся въ самомъ неофициальномъ комитетѣ, которыя тормозили дѣло реформы. Среди самихъ членовъ неофициальнаго комитета не было полного согласія, не было общаго яснаго взгляда на сущность необходимыхъ преобразованій. Не забудемъ, что то были лишь первые шаги на поприщѣ разработки назрѣвшихъ къ началу XIX столѣтія реформъ. Всѣ передовые люди того времени были согласны въ томъ, что жизнь неизбѣжно вы-

двигаетъ на очередь реформу крѣпостного права и реформу государственнаго управленія. Но затѣмъ подымался цѣлый рядъ вопросовъ, которые оставались еще неясными и спорными: двигать ли одновременно обѣ эти реформы, или выполнять ихъ поочередно, и въ послѣднемъ случаѣ, съ которой же изъ нихъ слѣдуетъ начать; наконецъ, какими именно путями и въ какихъ формахъ можно осуществить всѣ эти преобразованія? На подобные вопросы—а они имѣли первостепенную важность—у передовыхъ людей того времени не было общаго согласнаго отвѣта, и вотъ почему на всѣхъ преобразовательныхъ попыткахъ первой половины XIX вѣка лежитъ печать робкой нерѣшительности. Весьма нерѣдко эти нерѣшительныя колебанія объясняютъ прежде всего свойствами личнаго характера Александра. Нѣтъ спора, характеръ Александра не былъ созданъ для твердой борьбы съ водоворотами и бурями житейскаго моря, въ немъ не было крѣпкаго нравственнаго закала. Но, измѣряя степень личнаго вліянія Александра на судьбы раннихъ преобразовательныхъ начинаній его царствованія, не забудемъ также и общихъ условій тогдашняго историческаго момента. Благомыслящимъ сотрудникамъ Александра приходилось протаптывать лишь первыя тропинки къ политическому перерожденію Россіи среди дремучаго лѣса старыхъ предразсудковъ и своекорыстныхъ интересовъ сильныхъ людей. Мудрено ли, что ихъ поступь не всегда была достаточно тверда, и что они не всегда увѣренно намѣчали направленія своего пути?

Взглянемъ же, хотя бы мелькомъ, на приемы и результаты ихъ преобразовательныхъ усилій.

Прежде всего комитетъ занялся обсужденіемъ реформы управленія. Замѣнить произволъ отдѣльныхъ лицъ строго законнымъ порядкомъ управленія—такова была главная цѣль реформы. Пока въ комитетѣ намѣчались и обсуждались начала реформы, 5 іюня 1801 года былъ изданъ Высочайшій указъ съ повелѣніемъ Сенату представить государю особый докладъ о своихъ правахъ и обязан-

возможность для утверждения или отсрочки закона на чрезвычайном основании. Это давало возможность части старших санаторов отчасти изложить свою программу. Идея программа выдвигалась к тому, чтобы восстановить первоначальное значение Сената, каким он пользовался при Екатерине II, а сосредоточить в одном Сенате и законодательство, и высшее управление и суд, сделать при этом Сенат органом единой Исполнители. Члены индивидуального комитета воздвигали совершенно другие представления и планы. Они полагали, что для восстановления истинного порядка и твердой законности не следует вводить новый, и тому же учреждению и рассмотреть чужие законы, и руководствоваться, и высший надзор за деятельностью судов. Они считали необходимым разделить все эти обязанности между различными учреждениями. Так же Сенату они предполагали предоставить только надзор за правосудием во империи; руководствоваться указанным управлением они считали нужным распределить между отдельными министрами, которые во всех своих распоряжениях должны были бы строго держаться существующих законов, под страхом личной ответственности за нарушение постановок; наконец, для обсуждения чужих законов они полагали вызвать особое учреждение, из которого наряду с правительственными чиновниками должны были принимать участие и лица избранная из среды самого общества. Впрочем, члены комитета не предполагали произвести все эти нововведения одним разом. С одной стороны, они опасались действительности государственной власти, с другой стороны, они сами не успели уяснить себе во всех подробностях предполагаемая программа. Единственным практическим плодом этих планов явился учреждение министерств. Таким образом лишь одна *экономическая* власть получила новое устройство. Правда, это была важная попытка к началу устройства управления; петровские учреждения были уничтожены еще при Екатерине II и с тех пор не

чѣмъ не были замѣнены. За отсутствіемъ опредѣленныхъ учреждений центральное управленіе лишилось правильной системы, и его отдѣльныя отрасли случайно разстроивались во рукахъ вельможъ. Путаница, недѣтельность въ разрѣшеніи дѣлъ, слѣдая игра случая—неизбѣжно сопровождали такую неупорядоченность центрального управленія. Теперь, установленіе министерствъ создавало точно очерченныя русла для направленія дѣлопроизводства. Несомнѣнно, отъ этого выигрывала техника управленія. Но какъ еще далеко былъ этотъ результатъ отъ того конечнаго идеала общегосударственной реформы, къ которому были направлены планы неофициальнаго комитета, взятые во всей ихъ совокупности! Учрежденіе министерствъ удовлетворяло ближайшимъ практическимъ нуждамъ управленія, но оно еще не вводило—само по себѣ—никакой принципиальной перемѣны въ государственномъ строѣ.

Еще больше колебаній и еще меньше практическихъ плодовъ породила разработка *крестьянскаго* вопроса въ неофициальномъ комитетѣ. Выдвигая реформу управленія, комитетъ обрекалъ себя на борьбу съ партией политическихъ стародумовъ. Но лишь только зашла рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ, какъ тотчасъ же вспыхнула междусобица среди самихъ членовъ комитета. Императоръ Александръ, искренне желавшій сдѣлать что-нибудь для облегченія участи крѣпостнаго крестьянства, очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, старикъ Державинъ твердилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что «рабство есть обычай, который, утвердись временемъ, сдѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность»; а съ другой стороны, другъ государя, членъ неофициальнаго комитета, либераль-аристократъ на англійскій манеръ—Новосильцевъ не хотѣлъ слышать даже о такой осторожной мѣрѣ, какъ выкупъ въ казну дворовыхъ. «Это возбудитъ, восклицалъ онъ въ комитетѣ—преувеличенныя надежды въ крестьянахъ и поселитъ въ помѣщикахъ такое неудовольствіе,

которое может грозить государственному порядку!» Правда, рѣчи Новосильцева не оставались въ комитетѣ безъ горячей отвѣди. Ему возражалъ Строгановъ, указавшій на то, что ропота дворянства бояться нечего: дворянство искони было служилымъ сословіемъ, оно привыкло исполнять всѣ распоряженія власти. «Гораздо большая опасность — говорилъ Строгановъ — таится въ неудовольствіи крестьянской массы, которая все болѣе тяготится ярмомъ крѣпостной неволи». Эти вѣскія слова не произвели большого впечатлѣнія на членовъ комитета, и они попрежнему твердили государю о томъ, что «не слѣдуетъ обижать дворянъ, составляющихъ тоже значительную массу».

При такихъ условіяхъ крестьянскому вопросу грозила опасность быть положеннымъ подъ сукно на долгое время. Неожиданный поступокъ гр. Румянцева вновь выдвинулъ этотъ вопросъ на первый планъ. Румянцевъ представилъ государю проектъ указа о дозволѣніи помѣщикамъ отпустить своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на основаніи условій, заключаемыхъ по обоюдному съ ними согласію и съ укрѣпленіемъ за каждымъ увольняемымъ участку земли по своему желанію. По волѣ государя этотъ проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Тамъ поднялся страшный шумъ. Поэтъ Державинъ, бывший тогда генераль-прокуроромъ, взялся лично передать государю о всѣхъ неудобствахъ и опасностяхъ задуманной мѣры. Послѣдовали горячія объясненія, послѣ которыхъ государь, уже не отдавая указа въ Совѣтъ, велѣлъ отослать его прямо въ Сенатъ для непремѣннаго исполненія. 20 февраля 1803 года указъ «о свободныхъ хлѣбопашцахъ», — такъ должны были называться крестьяне, отпущенные на волю цѣлымъ селеніемъ и съ земельнымъ надѣломъ, — былъ обнародованъ. Имя Румянцева поносилось на всѣхъ перекресткахъ. Ростопчинъ писалъ про него: «Румянцевъ хотѣлъ помириться съ дворомъ и поссорился со всѣми русскими дворянами». Прислушиваясь къ этому возбужденію, можно было подумать, что новый за-

конь внесъ цѣлый переворотъ въ положеніе крѣпостного крестьянства. Увы! вскорѣ всѣ замѣтили, что шумъ вышелъ по пустякамъ, и общество успокоилось. Дѣло въ томъ, что указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ не содержалъ въ себѣ никакого принудительнаго предписанія. Это были правила, которыми могли воспользоваться *желающіе*. За самыми ничтожными исключеніями, никто воспользоваться ими не пожелалъ, и «жизнь пошла чредой обычной».

Таковы были преобразовательныя попытки первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Ихъ размѣры были скромны, въ особенности сравнительно съ первоначальными планами. Итти дальше не хватало рѣшимости, а потомъ надвинулись внѣшнія опасности, потянулись войны, и тѣсное единеніе членовъ неофициальнаго комитета незамѣтно растаяло. Александръ вынесъ изъ этихъ первыхъ преобразовательныхъ попытокъ свои первыя разочарованія. Онъ чувствовалъ, что задуманное имъ дѣло плохо клеится, что кругомъ его нѣтъ ни дружнаго согласія, ни отчетливо опредѣленныхъ взглядовъ. Это было крайне опасно для дѣла реформы, такъ какъ Александръ не былъ одаренъ желѣзной настойчивостью Петра Великаго и, въ виду испытанныхъ неудачъ, могъ утратить самый вкусъ къ преобразовательной работѣ. Ему нуженъ былъ человѣкъ, способный облечь въ плоть и кровь смутные порывы его души къ свободѣ и благу отечества. Ему нуженъ былъ не столько сотрудникъ-исполнитель, сколько сотрудникъ-вождь, способный заражать другихъ своей рабочей энергіей. Такой человѣкъ явился. Онъ пришелъ съ самой глубины народной массы и принесъ съ собой оттуда неизсякаемый запасъ рабочей силы, съ которою соединился изумительно яркій талантъ къ тонкому, изящно-последовательному мышленію. Сынъ сельскаго священника, потомъ профессоръ математики и философіи въ петербургской семинаріи, потомъ домашній секретарь генераль-прокурора Куракина и, наконецъ, главнѣйшій совѣтникъ, правая рука императора—Михаиль Михайловичъ Сперанскій былъ драгоцен-

351166

и, конечно, не без успеха. Разработка задуманной программы требует громадных трудов. Сперанский должен работать чуть ли не 24 часа в сутки. Он должен обладать исключительным упорством и выносливостью. Сперанский был неподражаемым организатором. Он сумел прозрачно-ясным образом изложить свои смелые и смелые идеи.

Но благодаря своему дарованию Сперанский быстро сумел привлечь внимание к своим идеям. — и работа закончилась. Император в 1809 году на столбе императора ухаживал за своим планом государственного преобразования. Сперанский в то время не был непосредственно затронут. Сперанский в то время большей подробностью был занят своей работой по политической реформе. Вот краткое описание основных частей этого плана. Империя делится на губернии, губернии на округа, округа на волости. Волости имеют следующие характеристики: три параллельных волости не имеют при себе в каждой волости волостного управления. Каждая волость составляет часть губернии. Каждая волость выбирает депутата в окружную думу. Окружная дума выбирает члена окружного совета. Исполнительное учреждение при окружном совете. Суды и депутаты в губернскую думу. Окружная дума выбирает членов губернского совета. Губернский совет и депутаты в государственную думу. В каждом высшем управлении также распределены между учреждениями следующие роли: 1. государственная дума составляет все депутаты от всех губерний; 2. составляют новые законы, которые восходят затем утверждению державной власти; 3. министерства руководят всем управлением, при чем министры являются исполнительными перед государственной думой за свои предложения; 4. Сенат представляет высшую судебную власть; 5. Император имеет власть влиять устройством; 6. Император имеет Государственный Совет, в котором р

ведливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!» Увы! Екатерина даже пережила это несчастіе!.. Въ самомъ дѣлѣ, было ли исполнено «намѣреніе ея законовъ»? Въ наказѣ она писала о «равенствѣ всѣхъ гражданъ», которое «состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ» (Наказъ, глава V, ст. 34). А между тѣмъ 45% всѣхъ ея подданныхъ—все крѣпостное крестьянство—были лишены охраны какого бы то ни было закона и отданы во власть безграничнаго господскаго произвола; и это обстоятельство, помимо нарушенія основныхъ требованій справедливости, отражалось губительнѣйшимъ образомъ и на государственномъ спокойствіи (вспомнимъ пугачевщину), и на матеріальномъ благосостояніи Россіи, и на положеніи общественной нравственности. Далѣе, въ томъ же Наказѣ Екатерина нарисовала идеаль благоустроеннаго государства, въ которомъ все управленіе разсчитано на обезпеченіе свободы и безопасности гражданъ, въ которомъ «гражданинъ не боится другого гражданина, и всѣ боятся только однихъ законовъ», въ которомъ лица, облеченныя властью, «не обращаютъ въ собственную пользу своихъ чиновъ и званій».

Что же было сдѣлано для воплощенія этого идеала въ жизни? Былъ созданъ цѣлый рядъ новыхъ учреждений для управленія губерніями и для дѣятельности этихъ учреждений были написаны прекрасныя инструкции. Но бумажныя предписанія и бумажный контроль не въ силахъ были выкурить изъ стѣнъ канцелярій крѣпостническаго духа произвола. Въ губерніи властвовалъ намѣстникъ, въ центрѣ—вельможные фавориты. Что получалось въ результатѣ этой системы, объ этомъ мы можемъ узнать отъ такого безпристрастнаго и компетентнаго очевидца, какъ великій князь Александръ Павловичъ, будущій императоръ Александръ I. Вотъ что писалъ онъ однажды своему другу Кочубею въ послѣдніе годы царствованія своей бабки: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпоря-

докъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, и имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ». Итакъ, уничтоженіе крѣпостного права и упорядоченіе управления на началахъ законности—таковы были крупнѣйшія задачи будущаго, подсказываемыя уроками прошлаго. Старые екатерининскіе дѣльцы качали головами, раздражались грозными предостереженіями и все же, несмотря на ихъ протесты, разработка отмѣченныхъ задачъ началась съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра I.

Старые екатерининскіе дѣльцы занимали всѣ видные правительственные посты и наполняли собою высшія государственныя учрежденія того времени—Сенатъ и только что образованный при самомъ воцареніи Александра—Государственный Совѣтъ.

Въ противовѣсъ вліянію этихъ сановныхъ стародумовъ около молодого государя, жаждавшего приступить къ серьезнымъ преобразованіямъ, самъ собой образовался негласный, неофициальный комитетъ, составившійся изъ личныхъ друзей Александра. Обыкновенно, по окончаніи обѣда за Высочайшимъ столомъ, послѣ кофе, императоръ удалялся. Пока гости разъѣзжались, четыре человѣка особымъ ходомъ пробирались въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями дворца. Вскорѣ туда же приходилъ государь, и здѣсь то, въ свободной дружеской бесѣдѣ, далекой отъ всякихъ условностей официального церемоніала, постепенно назрѣвали преобразовательные планы. Эти четыре интимныхъ собесѣдника государя были: Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей и Адамъ Чарторижскій. Все это были люди широко образованные, охваченные вліяніемъ педагогическихъ идей своего вѣка. Ихъ планы шли очень далеко. Они думали не о частичныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ, а о коренной общегосударственной реформѣ.

Этимъ планамъ не суждено было осуществиться, и практическіе результаты работъ неофициального комитета ока-

зались болѣе, чѣмъ скромными. Многія причины повліяли на эту неудачу. Во-первыхъ, преобразовательныя попытки комитета встрѣчали противодѣйствіе со стороны сановной бюрократіи. Старые сенаторы смотрѣли на членовъ комитета, какъ на «якобинскую шайку», легкомысленно толкающую Россію въ бездну съ вершины достигнутой ею славы. Всякое отступленіе отъ завѣтовъ Екатерининской эпохи они считали предосудительнымъ и опаснымъ, и даже усилія самого государя не всегда оказывались достаточными для того, чтобы сломить противодѣйствіе этой охранительной партіи. Во-вторыхъ, внутренняя преобразовательная работа, требовавшая большой сосредоточности и настойчивости, рано начала встрѣчать себѣ помѣху въ осложненіяхъ внѣшней политики. Надъ Россіей собирались грозныя тучи военной борьбы съ Наполеономъ. Прошло всего какихъ-нибудь четыре года со времени воцаренія Александра, а Россія въ самый разгаръ преобразовательныхъ попытокъ во внутреннемъ управленіи была уже вынуждена открыто вступить въ первую коалицію европейскихъ державъ (Швеціи, Англіи, Австріи) противъ Наполеона, и русскія войска уже въ началѣ 1805 года появились на военныхъ поляхъ Баваріи и Пруссіи. Этой борьбѣ суждено было затѣмъ разростись до колоссальныхъ размѣровъ; и чѣмъ болѣе разросталась она, тѣмъ все далѣе и далѣе отодвигались на задній планъ очередныя задачи внутренней политики.

Но помимо всѣхъ этихъ внѣшнихъ причинъ неуспѣха первыхъ преобразовательныхъ начинаній были и другія условія, коренившіяся въ самомъ неофициальномъ комитетѣ, которыя тормозили дѣло реформы. Среди самихъ членовъ неофициальнаго комитета не было полного согласія, не было общаго яснаго взгляда на сущность необходимыхъ преобразованій. Не забудемъ, что то были лишь первые шаги на поприщѣ разработки назрѣвшихъ къ началу XIX столѣтія реформъ. Всѣ передовые люди того времени были согласны въ томъ, что жизнь неизбѣжно вы-

двигаетъ на очередь реформу крѣпостного права и реформу государственнаго управленія. Но затѣмъ подымался цѣлый рядъ вопросовъ, которые оставались еще неясными и спорными: двигать ли одновременно обѣ эти реформы, или выполнять ихъ поочередно, и въ послѣднемъ случаѣ, съ которой же изъ нихъ слѣдуетъ начать; наконецъ, какими именно путями и въ какихъ формахъ можно осуществить всѣ эти преобразованія? На подобные вопросы—а они имѣли первостепенную важность—у передовыхъ людей того времени не было общаго согласнаго отвѣта, и вотъ почему на всѣхъ преобразовательныхъ попыткахъ первой половины XIX вѣка лежитъ печать робкой нерѣшительности. Весьма нерѣдко эти нерѣшительныя колебанія объясняютъ прежде всего свойствами личнаго характера Александра. Нѣтъ спора, характеръ Александра не былъ созданъ для твердой борьбы съ водоворотами и бурями житейскаго моря, въ немъ не было крѣпкаго нравственнаго закала. Но, измѣряя степень личнаго вліянія Александра на судьбы раннихъ преобразовательныхъ начинаній его царствованія, не забудемъ также и общихъ условій тогдашняго историческаго момента. Благомыслящимъ сотрудникамъ Александра приходилось протаптывать лишь первыя тропинки къ политическому перерожденію Россіи среди дремучаго лѣса старыхъ предрасудковъ и своекорыстныхъ интересовъ сильныхъ людей. Мудрено ли, что ихъ поступокъ не всегда была достаточно тверда, и что они не всегда увѣренно намѣчали направленія своего пути?

Взглянемъ же, хотя бы мелькомъ, на приемы и результаты ихъ преобразовательныхъ усилій.

Прежде всего комитетъ занялся обсужденіемъ реформы управленія. Замѣнить произволь отдѣльныхъ лицъ строго законнымъ порядкомъ управленія—такова была главная цѣль реформы. Пока въ комитетѣ намѣчались и обсуждались начала реформы, 5 іюня 1801 года былъ изданъ Высочайшій указъ съ повелѣніемъ Сенату представить государю особый докладъ о своихъ правахъ и обязан-

ностяхъ для утвержденія ихъ силою закона на незыблемомъ основаніи. Это давало возможность партіи старыхъ сенаторовъ открыто изложить свою программу. Ихъ программа сводилась къ тому, чтобы возстановить всеобъемлющее значеніе Сената, какимъ онъ пользовался при Петрѣ I, т. е. сосредоточить въ одномъ Сенатѣ и законодательство, и высшее управленіе, и судъ, сдѣлавъ при томъ Сенатъ органомъ сановной бюрократіи. Членовъ неофициальнаго комитета воодушевляли совершенно другія намѣренія и планы. Они полагали, что для водворенія истиннаго порядка и твердой законности не слѣдуетъ ввѣрять одному и тому же учрежденію и разсмотрѣніе новыхъ законовъ, и руководство управленіемъ, и высшій надзоръ за дѣятельностью судовъ; они считали необходимымъ раздѣлить всѣ эти обязанности между различными учрежденіями. Такъ, Сенату они предполагали предоставить только надзоръ за правосудіемъ въ имперіи; руководство текущимъ управленіемъ они считали нужнымъ распределить между отдѣльными министрами, которые во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ должны были бы строго держаться существующихъ законовъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности за нарушеніе послѣднихъ; наконецъ, для обсужденія новыхъ законовъ они полагали создать особое учрежденіе, въ которомъ наряду съ правительственными чиновниками должны были принимать участіе и лица, избранная изъ среды самого общества. Впрочемъ, члены комитета не предполагали произвести всѣ эти нововведенія однимъ разомъ. Съ одной стороны, они опасались противодѣйствія старовѣрможной партіи, съ другой стороны, они сами не вполне уяснили себѣ во всѣхъ подробностяхъ предполагаемая перемѣны. Единственнымъ практическимъ плодомъ этихъ плановъ явилось учрежденіе министерствъ. Такимъ образомъ, лишь одна *исполнительная* власть получила новое устройство. Правда, это былъ значительный успѣхъ въ смыслѣ упорядоченія управленія: петровскія коллегіи были уничтожены еще при Екатеринѣ II и съ тѣхъ поръ ни-

чѣмъ не были замѣнены. За отсутствіемъ опредѣленныхъ учреждений центральное управленіе лишилось правильной системы, и его отдѣльныя отрасли случайно растасовывались по рукамъ вельможъ. Путаница, медлительность въ разрѣшеніи дѣлъ, слѣпая игра случая—неизбѣжно сопровождали такую неупорядоченность центрального управленія. Теперь, установленіе министерствъ создавало точно очерченныя русла для направленія дѣлопроизводства. Несомнѣнно, отъ этого выигрывала техника управленія. Но какъ еще далека была этотъ результатъ отъ того конечнаго идеала общегосударственной реформы, къ которому были направлены планы неофициальнаго комитета, взятые во всей ихъ совокупности! Учрежденіе министерствъ удовлетворяло ближайшимъ практическимъ нуждамъ управленія, но оно еще не вводило—само по себѣ—никакой принципиальной перемѣны въ государственномъ строѣ.

Еще больше колебаній и еще меньше практическихъ плодовъ породила разработка *крестьянскаго* вопроса въ неофициальномъ комитетѣ. Выдвигая реформу управленія, комитетъ обрекалъ себя на борьбу съ партіей политическихъ стародумовъ. Но лишь только зашла рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ, какъ тотчасъ же вспыхнула междоусобица среди самихъ членовъ комитета. Императоръ Александръ, искренне желавшій сдѣлать что-нибудь для облегченія участи крѣпостнаго крестьянства, очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, старикъ Державинъ твердилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что «рабство есть обычай, который, утвердись временемъ, сдѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность»; а съ другой стороны, другъ государя, членъ неофициальнаго комитета, либераль-аристократъ на англійскій манеръ—Новосильцевъ не хотѣлъ слышать даже о такой осторожной мѣрѣ, какъ выкупъ въ казну дворовыхъ. «Это возбудитъ, восклицалъ онъ въ комитетѣ—преувеличенныя надежды въ крестьянахъ и поселитъ въ помѣщикахъ такое неудовольствіе,

которое может грозить государственному порядку!» Правда, речи Новосильцева не оставались въ комитетѣ безъ горячей отвѣды. Ему возражалъ Строгановъ, указавшій на то, что ропота дворянства бояться нечего: дворянство искони было служилое сословіе, оно привыкло исполнять всѣ распоряженія власти. «Гораздо большая опасность — говорилъ Строгановъ — таится въ неудовольствіи крестьянской массы, которая все болѣе тяготится ярмомъ крѣпостной неволи». Эти всѣкія слова не производили большого впечатлѣнія на членовъ комитета, и они попрежнему твердили государю о томъ, что «не слѣдуетъ обижать дворянъ, составляющихъ тоже значительную массу».

При такихъ условіяхъ крестьянскому вопросу грозила опасность быть положеннымъ подъ сукно на долгое время. Неожиданный поступокъ гр. Румянцева вновь выдвинулъ этотъ вопросъ на первый планъ. Румянцевъ представилъ государю проектъ указа о дозволеніи помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на основаніи условій, заключаемыхъ по обоюдному съ ними согласію и съ укрѣпленіемъ за каждымъ увольняемымъ участка земли по своему желанію. По волѣ государя этотъ проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственного Совѣта. Тамъ поднялся страшный шумъ. Поэтъ Державинъ, бывший тогда генераль-прокуроромъ, взялся лично передать государю о всѣхъ неудобствахъ и опасностяхъ задуманной мѣры. Послѣдовали горячія объясненія, послѣ которыхъ государь, уже не отдавая указа въ Совѣтъ, велѣлъ отослать его прямо въ Сенатъ для непремѣннаго исполненія. 20 февраля 1803 года указъ «о свободныхъ хлѣбопашцахъ», — такъ должны были называться крестьяне, отпущенные на волю цѣлымъ селеніемъ и съ земельнымъ надѣломъ, — былъ обнародованъ. Имя Румянцева поносилось на всѣхъ перекресткахъ. Ростопчинъ писалъ про него: «Румянцевъ хотѣлъ помириться съ дворомъ и поссорился со всѣми русскими дворянами». Прислушиваясь къ этому возбужденію, можно было подумать, что новый за-

конь внесъ цѣлый переворотъ въ положеніе крѣпостного крестьянства. Увы! вскорѣ всѣ замѣтили, что шумъ вышелъ по пустякамъ, и общество успокоилось. Дѣло въ томъ, что указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ не содержалъ въ себѣ никакого принудительнаго предписанія. Это были правила, которыми могли воспользоваться *желающіе*. За самыми ничтожными исключеніями, никто воспользоваться ими не пожелалъ, и «жизнь пошла чредой обычной».

Таковы были преобразовательныя попытки первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Ихъ размѣры были скромны, въ особенности сравнительно съ первоначальными планами. Итти дальше не хватало рѣшимости, а потомъ направились внѣшнія опасности, потянулись войны, и тѣсное единеніе членовъ неофициальнаго комитета незамѣтно растаяло. Александръ вынесъ изъ этихъ первыхъ преобразовательныхъ попытокъ свои первыя разочарованія. Онъ чувствовалъ, что задуманное имъ дѣло плохо клеится, что кругомъ его нѣтъ ни дружнаго согласія, ни отчетливо опредѣленныхъ взглядовъ. Это было крайне опасно для дѣла реформы, такъ какъ Александръ не былъ одаренъ желѣзной настойчивостью Петра Великаго и, въ виду испытанныхъ неудачъ, могъ утратить самый вкусъ къ преобразовательной работѣ. Ему нуженъ былъ человѣкъ, способный облечь въ плоть и кровь смутные порывы его души къ свободѣ и благу отечества. Ему нуженъ былъ не столько сотрудникъ-исполнитель, сколько сотрудникъ-вождь, способный заражать другихъ своей рабочей энергіей. Такой человѣкъ явился. Онъ пришелъ съ самой глубины народной массы и принесъ съ собой оттуда неизсякаемый запасъ рабочей силы, съ которою соединился изумительно яркій талантъ къ тонкому, изящно-последовательному мышленію. Сынъ сельскаго священника, потомъ профессоръ математики и философіи въ петербургской семинаріи, потомъ домашній секретарь генераль-прокурора Куракина и, наконецъ, главнѣйшій совѣтникъ, правая рука императора—Михаиль Михайловичъ Сперанскій былъ драгоцен-

351166

ной находкой для Александра I. Разработка задуманных Александромъ реформъ требовала громадныхъ трудовъ.— Сперанскій могъ работать чуть ли не 24 часа въ сутки. Александру не доставало отчетливаго усненія волновавшихъ его вопросовъ.— Сперанскій былъ непоколебимый мастеръ сжимать въ стройныя прозрачно-ясныя опредѣленія самыя отдаленныя и сложныя идеи.

Въ бесѣдахъ съ государемъ Сперанскій быстро охватилъ сущность занимавшихъ его идей,—и работа закончилась. Въ октябрѣ 1809 года на столѣ императора уже лежалъ готовый планъ государственнаго преобразованія. Крестьянскій вопросъ не былъ непосредственно затронутъ этимъ планомъ. Съ тѣмъ большею подробностью была въ немъ разработана политическая реформа. Вотъ къ чему сводились основныя черты этого плана. Имперія дѣлится на губерніи, губерніи на округа, округа на волости. Во всѣхъ этихъ дѣленіяхъ устанавливаются три параллельныя ряда учреждений: каждые три года въ каждой волости изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе—волостная дума, которая выбираетъ депутатовъ въ окружную думу. Окружная дума выбираетъ членовъ окружнаго совѣта (исполнительное учрежденіе при думѣ), членовъ окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу. Губернская дума выбираетъ членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда и депутатовъ въ государственную думу. Въ центрѣ высшее управленіе также распределяется между учрежденіями троякаго рода: 1) государственная дума, составленная изъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній, разсматриваетъ новые законы, которые восходятъ затѣмъ на утвержденіе державной власти; 2) министерства руководятъ текущимъ управленіемъ, при чемъ министры являются отвѣтственными передъ государственной думой за свои распоряженія, и 3) Сенатъ представляетъ высшую судебную инстанцію. Наконецъ, надъ всѣмъ этимъ устройствомъ поставленъ еще Государственный Совѣтъ, въ которомъ разсматриваются проекты законовъ, уставовъ и учреждений.

лѣе, въ Пермь. Когда Сперанскій вышелъ изъ кабинета государя по окончаніи этой достопамятной аудіенціи и, въ полномъ душевномъ разстройствѣ, упалъ на столъ и безсознательно началъ засовывать въ портфель свою шляпу, къ удивленію придворныхъ, дверь царскаго кабинета открылась, и Александръ въ слезахъ быстро подошелъ къ Сперанскому, пожалъ ему руку и произнесъ: «Еще разъ прощайте, Михаилъ Михайловичъ!» Въ такой формѣ не расстаются съ завѣдомымъ измѣнникомъ и предателемъ. И у насъ есть основанія думать, что Александръ не вѣрилъ въ виновность Сперанскаго. Мы знаемъ теперь, что говорилъ Александръ во время упомянутой аудіенціи, онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ письмѣ къ Новосильцеву, которое теперь обнародовано. Государь говорилъ: «Врагъ стучится въ двери имперіи. Во всякое другое время я употребилъ бы по крайней мѣрѣ два года на розыски и изслѣдованія, прежде чѣмъ примѣнить къ вамъ кару. Но при теперешнихъ обстоятельствахъ я не могу оставить въ силѣ знаки моего довѣрія къ вамъ».

Съ паденіемъ Сперанскаго, съ началомъ бурныхъ событій 12-го года, о продолженіи внутреннихъ преобразованій не могло быть и рѣчи.

Прогрѣмѣла отечественная война. Она отбросила отъ себя громадную тѣнь на послѣдующія событія нашей внутренней исторіи.

До отечественной войны правительство шло впереди общества по пути преобразованій. Насколько мало широкіе слои общества сочувствовали преобразовательнымъ планамъ, это ярко выразилось во всеобщемъ ликованіи по поводу паденія Сперанскаго. Послѣ войны роли переимѣнились. Общество встрепенулось, а правящіе круги отдались духу реакціи. Отечественная война провела глубокую борозду въ общественномъ самосознаніи. Она была великимъ актомъ народной самодѣятельности, она была дѣломъ всего народа, и въ общественномъ настроеніи сильно зазвучала теперь струна самоуваженія. Въ то же время русская

военная молодежь, благодаря иностранным походам, лицомъ къ лицу познакомилась съ государственными порядками западной Европы и начала размышлять надъ различіемъ иноземныхъ и своихъ домашнихъ отношеній. Русское общество вышло изъ пережитаго военнаго испытанія упоенное славою, окрыленное надеждами, съ увѣренностью въ своихъ силахъ, съ жаждой внутреннихъ преобразований. Всѣ ждали заявленій правительства насчетъ дальнѣйшаго направленія политики. Въ 1815 г. вышелъ манифестъ. Онъ прозвучалъ рѣзкимъ диссонансомъ съ настроеніемъ общества. Онъ говорилъ не о подвигахъ, а о *смиреніи*, онъ взывалъ не къ героическимъ, а къ покаяннымъ чувствамъ. Содержаніе манифеста явилось отзвукомъ личнаго настроенія государя. Александръ выросъ политическимъ мечтателемъ. Онъ, несомнѣнно, имѣлъ благое желаніе осчастливить своихъ подданныхъ, но онъ могъ взяться за эту задачу лишь при одномъ условіи, чтобы она была осуществлена быстро, безъ предварительной черной работы и безъ борьбы съ затрудненіями. Горькое чувство отъ первыхъ же неудачъ въ такой борьбѣ разрѣшалось у него въ разочарованіе въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ хотѣлъ осчастливить. А это разочарованіе, укрѣпляясь и разростаясь, поселило въ его душѣ апатію и скуку и заволокло угрюмымъ туманомъ розовыя надежды молодости. Какъ разъ въ описываемый моментъ этотъ переломъ въ душѣ Александра и достигъ своей высшей точки. Тогда ему понадобился человекъ, который бы могъ явиться для него преданнымъ и вѣрнымъ сторожемъ, обороняющимъ его отъ докучныхъ людей, отъ досадныхъ житейскихъ впечатлѣній и заботъ, нарушающихъ покой мистическаго самоуглубленія. Нужный человекъ давно уже былъ на примѣтѣ: сближеніе Александра съ Аракчеевымъ относится еще ко времени царствованія Павла. Описывать характеръ аракчеевскаго правленія нѣтъ надобности: онъ достаточно извѣстенъ. Напомню только, что въ это время Россія покрылась сѣтью «военныхъ поселеній», появленіе которыхъ заставляло крестьянъ писать

ностяхъ для утвержденія ихъ силою закона на незыблемомъ основаніи. Это давало возможность партіи старыхъ сенаторовъ открыто изложить свою программу. Ихъ программа сводилась къ тому, чтобы возстановить всеобъемлющее значеніе Сената, какимъ онъ пользовался при Петрѣ I, т. е. сосредоточить въ одномъ Сенатѣ и законодательство, и высшее управленіе, и судъ, сдѣлавъ при томъ Сенатъ органомъ сановной бюрократіи. Членовъ неофициальнаго комитета воодушевляли совершенно другія намѣренія и планы. Они полагали, что для водворенія истиннаго порядка и твердой законности не слѣдуетъ вѣрять одному и тому же учрежденію и разсмотрѣніе новыхъ законовъ, и руководство управленіемъ, и высшій надзоръ за дѣятельностью судовъ; они считали необходимымъ раздѣлить всѣ эти обязанности между различными учрежденіями. Такъ, Сенату они предполагали предоставить только надзоръ за правосудіемъ въ имперіи; руководство текущимъ управленіемъ они считали нужнымъ распределить между отдѣльными министрами, которые во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ должны были бы строго держаться существующихъ законовъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности за нарушеніе послѣднихъ; наконецъ, для обсужденія новыхъ законовъ они полагали создать особое учрежденіе, въ которомъ наряду съ правительственными чиновниками должны были принимать участіе и лица, избранныя изъ среды самого общества. Впрочемъ, члены комитета не предполагали произвести всѣ эти нововведенія однимъ разомъ. Съ одной стороны, они опасались противодѣйствія старовѣрможной партіи, съ другой стороны, они сами не вполне уяснили себѣ во всѣхъ подробностяхъ предположенныя перемѣны. Единственнымъ практическимъ плодомъ этихъ плановъ явилось учрежденіе министерствъ. Такимъ образомъ, лишь одна *исполнительная* власть получила новое устройство. Правда, это былъ значительный успѣхъ въ смыслѣ упорядоченія управленія: петровскія коллегіи были уничтожены еще при Екатеринѣ II и съ тѣхъ поръ ни-

чѣмъ не были замѣнены. За отсутствіемъ опредѣленныхъ учреждений центральное управленіе лишилось правильной системы, и его отдѣльныя отрасли случайно растасовывались по рукамъ вельможъ. Путаница, медлительность въ разрѣшеніи дѣлъ, слѣпая игра случая—неизбѣжно сопровождали такую неупорядоченность центрального управленія. Теперь, установленіе министерствъ создавало точно очерченныя русла для направленія дѣлопроизводства. Несомнѣнно, отъ этого выигрывала техника управленія. Но какъ еще далека была этаго результата отъ того конечнаго идеала общегосударственной реформы, къ которому были направлены планы неофициальнаго комитета, взятыя во всей ихъ совокупности! Учрежденіе министерствъ удовлетворяло ближайшимъ практическимъ нуждамъ управленія, но оно еще не вводило—само по себѣ—никакой принципиальной перемѣны въ государственномъ строѣ.

Еще больше колебаній и еще меньше практическихъ плодовъ породила разработка *крестьянскаго* вопроса въ неофициальномъ комитетѣ. Выдвигая реформу управленія, комитетъ обрекалъ себя на борьбу съ партіей политическихъ стародумовъ. Но лишь только зашла рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ, какъ тотчасъ же вспыхнула междоусобица среди самихъ членовъ комитета. Императоръ Александръ, искренне желавшій сдѣлать что-нибудь для облегченія участи крѣпостнаго крестьянства, очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, старикъ Державинъ твердилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что «рабство есть обычай, который, утвердись временемъ, сдѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность»; а съ другой стороны, другъ государя, членъ неофициальнаго комитета, либераль-аристократъ на англійскій манеръ—Новосильцевъ не хотѣлъ слышать даже о такой осторожной мѣрѣ, какъ выкупъ въ казну дворовыхъ. «Это возбудитъ, восклицалъ онъ въ комитетѣ—преувеличенныя надежды въ крестьянахъ и поселить въ помѣщикахъ такое неудовольствіе,

ностяхъ для утвержденія ихъ силою закона на незыблемомъ основаніи. Это давало возможность партіи старыхъ сенаторовъ открыто изложить свою программу. Ихъ программа сводилась къ тому, чтобы возстановить всеобъемлющее значеніе Сената, какимъ онъ пользовался при Петрѣ I, т. е. сосредоточить въ одномъ Сенатѣ и законодательство, и высшее управленіе, и судъ, сдѣлавъ при томъ Сенатъ органомъ сановной бюрократіи. Членовъ неофициальнаго комитета воодушевляли совершенно другія намѣренія и планы. Они полагали, что для водворенія истиннаго порядка и твердой законности не слѣдуетъ вѣрять одному и тому же учрежденію и разсмотрѣніе новыхъ законовъ, и руководство управленіемъ, и высшій надзоръ за дѣятельностью судовъ; они считали необходимымъ раздѣлить всѣ эти обязанности между различными учрежденіями. Такъ, Сенату они предполагали предоставить только надзоръ за правосудіемъ въ имперіи; руководство текущимъ управленіемъ они считали нужнымъ распредѣлить между отдѣльными министрами, которые во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ должны были бы строго держаться существующихъ законовъ, подъ страхомъ личной отвѣтственности за нарушеніе послѣднихъ; наконецъ, для обсужденія новыхъ законовъ они полагали создать особое учрежденіе, въ которомъ наряду съ правительственными чиновниками должны были принимать участіе и лица, избранныя изъ среды самого общества. Впрочемъ, члены комитета не предполагали произвести всѣ эти нововведенія однимъ разомъ. Съ одной стороны, они опасались противодѣйствія старовѣрливой партіи, съ другой стороны, они сами не вполне уяснили себѣ во всѣхъ подробностяхъ предполагаемыя перемѣны. Единственнымъ практическимъ плодомъ этихъ плановъ явилось учрежденіе министерствъ. Такимъ образомъ, лишь одна *исполнительная* власть получила новое устройство. Правда, это былъ значительный успѣхъ въ смыслѣ упорядоченія управленія: петровскія коллегіи были уничтожены еще при Екатеринѣ II и съ тѣхъ поръ ни-

чѣмъ не были замѣнены. За отсутствіемъ опредѣленныхъ учреждений центральное управленіе лишилось правильной системы, и его отдѣльныя отрасли случайно растасовывались по рукамъ вельможъ. Путаница, медлительность въ разрѣшеніи дѣлъ, слѣпая игра случая—неизбѣжно сопровождали такую неупорядоченность центрального управленія. Теперь, установленіе министерствъ создавало точно очерченныя русла для направленія дѣлопроизводства. Несомнѣнно, отъ этого выигрывала техника управленія. Но какъ еще далекъ былъ этотъ результатъ отъ того конечнаго идеала общегосударственной реформы, къ которому были направлены планы неофициальнаго комитета, взятые во всей ихъ совокупности! Учрежденіе министерствъ удовлетворяло ближайшимъ практическимъ нуждамъ управленія, но оно еще не вводило—само по себѣ—никакой принципиальной перемѣны въ государственномъ строѣ.

Еще больше колебаній и еще меньше практическихъ плодовъ породила разработка *крестьянскаго* вопроса въ неофициальномъ комитетѣ. Выдвигая реформу управленія, комитетъ обрекалъ себя на борьбу съ партіей политическихъ стародумовъ. Но лишь только зашла рѣчь о крестьянскомъ вопросѣ, какъ тотчасъ же вспыхнула междусобица среди самихъ членовъ комитета. Императоръ Александръ, искренне желавшій сдѣлать что-нибудь для облегченія участи крѣпостнаго крестьянства, очутился между двухъ огней. Съ одной стороны, старикъ Державинъ твердилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что «рабство есть обычай, который, утвердись временемъ, сдѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность»; а съ другой стороны, другъ государя, членъ неофициальнаго комитета, либераль-аристократъ на англійскій манеръ—Новосильцевъ не хотѣлъ слышать даже о такой осторожной мѣрѣ, какъ выкупъ въ казну дворовыхъ. «Это возбудитъ, восклицалъ онъ въ комитетѣ—преувеличенныя надежды въ крестьянахъ и поселитъ въ помѣщикахъ такое неудовольствіе,

которое можетъ грозить государственному порядку!» Правда, рѣчи Новосильцева не оставались въ комитетѣ безъ горячей отвѣди. Ему возражалъ Строгановъ, указавшій на то, что ропота дворянства бояться нечего: дворянство искони было служилымъ сословіемъ, оно привыкло исполнять всѣ распоряженія власти. «Гораздо большая опасность — говорилъ Строгановъ — таится въ неудовольствіи крестьянской массы, которая все болѣе тяготится ярмомъ крѣпостной неволи». Эти вѣскія слова не производили большого впечатлѣнія на членовъ комитета, и они попрежнему твердили государю о томъ, что «не слѣдуетъ обижать дворянъ, составляющихъ тоже значительную массу».

При такихъ условіяхъ крестьянскому вопросу грозила опасность быть положеннымъ подъ сукно на долгое время. Неожиданный поступокъ гр. Румянцева вновь выдвинулъ этотъ вопросъ на первый планъ. Румянцевъ представилъ государю проектъ указа о дозволеніи помѣщикамъ отпустить своихъ крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на основаніи условій, заключаемыхъ по обоюдному съ ними согласію и съ укрѣпленіемъ за каждымъ увольняемымъ участку земли по своему желанію. По волѣ государя этотъ проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственного Совѣта. Тамъ поднялся страшный шумъ. Поэтъ Державинъ, бывшій тогда генераль-прокуроромъ, взялся лично передать государю о всѣхъ неудобствахъ и опасностяхъ задуманной мѣры. Послѣдовали горячія объясненія, послѣ которыхъ государь, уже не отдавая указа въ Совѣтъ, велѣлъ отослать его прямо въ Сенатъ для непремѣннаго исполненія. 20 февраля 1803 года указъ «о свободныхъ хлѣбопашцахъ», — такъ должны были называться крестьяне, отпущенные на волю цѣлымъ селеніемъ и съ земельнымъ надѣломъ, — былъ обнародованъ. Имя Румянцева носилось на всѣхъ перекресткахъ. Ростопчинъ писалъ про него: «Румянцевъ хотѣлъ помириться съ дворомъ и поссорился со всѣми русскими дворянами». Прислушиваясь къ этому возбужденію, можно было подумать, что новый за-

конъ внесъ цѣлый переворотъ въ положеніе крѣпостного крестьянства. Увы! вскорѣ всѣ замѣтили, что шумъ вышелъ по пустякамъ, и общество успокоилось. Дѣло въ томъ, что указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ не содержалъ въ себѣ никакого принудительнаго предписанія. Это были правила, которыми могли воспользоваться *желающіе*. За самыми ничтожными исключеніями, никто воспользоваться ими не пожелалъ, и «жизнь пошла чредой обычной».

Таковы были преобразовательныя попытки первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Ихъ размѣры были скромны, въ особенности сравнительно съ первоначальными планами. Итти дальше не хватало рѣшимости, а потомъ направились внѣшнія опасности, потянулись войны, и тѣсное единеніе членовъ неофициальнаго комитета незамѣтно растаяло. Александръ вынесъ изъ этихъ первыхъ преобразовательныхъ попытокъ свои первыя разочарованія. Онъ чувствовалъ, что задуманное имъ дѣло плохо клеится, что кругомъ его нѣтъ ни дружнаго согласія, ни отчетливо опредѣленныхъ взглядовъ. Это было крайне опасно для дѣла реформы, такъ какъ Александръ не былъ одаренъ желѣзной настойчивостью Петра Великаго и, въ виду испытанныхъ неудачъ, могъ утратить самый вкусъ къ преобразовательной работѣ. Ему нуженъ былъ человекъ, способный облечь въ плоть и кровь смутные порывы его души къ свободѣ и благу отечества. Ему нуженъ былъ не столько сотрудникъ-исполнитель, сколько сотрудникъ-вождь, способный заражать другихъ своей рабочей энергіей. Такой человекъ явился. Онъ пришелъ съ самой глубины народной массы и принесъ съ собой оттуда неизсякаемый запасъ рабочей силы, съ которою соединился изумительно яркій талантъ къ тонкому, изящно-последовательному мышленію. Сынъ сельскаго священника, потомъ профессоръ математики и философіи въ петербургской семинаріи, потомъ домашній секретарь генераль-прокурора Куракина и, наконецъ, главнѣйшій совѣтникъ, правая рука императора—Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ драгоцен-

351166

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ной находкой для Александра I. Разработка задуманных Александромъ реформъ требовала громадныхъ трудовъ.— Сперанскій могъ работать чуть ли не 24 часа въ сутки; Александру не доставало отчетливаго уясненія волновавшихъ его вопросовъ.— Сперанскій былъ неподражаемый мастеръ сжимать въ стройныя прозрачно-ясныя опредѣленія самыя отвлеченныя и сложныя идеи.

Въ бесѣдахъ съ государемъ Сперанскій быстро охватилъ сущность занимавшихъ его идей,—и работа закипѣла. Въ октябрѣ 1809 года на столѣ императора уже лежалъ готовый планъ государственнаго преобразованія. Крестьянскій вопросъ не былъ непосредственно затронутъ этимъ планомъ. Съ тѣмъ большей подробностью была въ немъ разработана политическая реформа. Вотъ къ чему сводились основныя черты этого плана. Имперія дѣлится на губерніи, губерніи на округа, округа на волости. Во всѣхъ этихъ дѣленіяхъ устанавливаются три параллельные ряда учреждений: каждые три года въ каждой волости изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе—волостная дума, которая выбираетъ депутатовъ въ окружную думу. Окружная дума выбираетъ членовъ окружнаго совѣта (исполнительное учрежденіе при думѣ), членовъ окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу. Губернская дума выбираетъ членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда и депутатовъ въ государственную думу. Въ центрѣ высшее управленіе также распредѣляется между учреждениями троякаго рода: 1) государственная дума, составленная изъ депутатовъ отъ всѣхъ губерній, разсматриваетъ новые законы, которые восходятъ затѣмъ на утвержденіе державной власти; 2) министерства руководятъ текущимъ управленіемъ, при чемъ министры являются отвѣтственными передъ государственной думой за свои распоряженія, и 3) Сенатъ представляетъ высшую судебную инстанцію. Наконецъ, надъ всѣмъ этимъ устройствомъ поставленъ еще Государственный Совѣтъ, въ которомъ разсматриваются проекты законовъ, уставовъ и учреждений.

Первоначально этотъ планъ, подкупавшій своею стройностью и послѣдовательностью, предполагалось сразу ввести въ дѣйствіе во всѣхъ его частяхъ; но государь предпочелъ затѣмъ осуществлять его постепенно, начавъ съ высшихъ учреждений. 1 января 1810 г. былъ открытъ Государственный Совѣтъ въ преобразованномъ видѣ. Въ 1811 г. были преобразованы министерства, при чемъ, однако, предположенная въ планѣ Сперанскаго отвѣтственность министровъ не была проведена. А затѣмъ... а затѣмъ страшась страшная катастрофа и въ личной судьбѣ Сперанскаго и въ исторической судьбѣ Россіи. Россія готовилась къ окончательной борьбѣ съ Наполеономъ. Когда въ воздухѣ пахнетъ пожаромъ, опасно произносить слово «поджигатель». И вотъ въ самый разгаръ національной озлобленности противъ всего французскаго, низкая клевета назвала Сперанскаго государственнымъ измѣнникомъ. Былъ пущенъ слухъ о томъ, что Сперанскій выдаетъ Наполеону государственныя тайны. Сперанскій всегда былъ окруженъ многочисленными врагами. Родовитая знать презиала въ немъ плебея, вельможи завидовали его служебному возвышенію, придворныя злобствовали на него за то, что по его мысли придворныя званія, не сопряженныя съ дѣйствительной службой, не давали болѣе чиновъ, а чиновники за то, что полученіе чина онъ поставилъ въ зависимость отъ сдачи экзамена при университетѣ, наконецъ, народъ ропталъ на возвышеніе налоговъ, приписывая Сперанскому, какъ главному совѣтнику государя, то, что слѣдовало приписать многочисленнымъ войнамъ и финансовому кризису. И передъ всѣми этими враждебными силами Сперанскій стоялъ одиноко, вооруженный только своими дарованіями, своей любовью къ труду, своей готовностью служить родинѣ. Борьба была неравная, и Сперанскій палъ жертвой. 17 марта 1812 г. Александръ два часа съ глазу на глазъ говорилъ съ Сперанскимъ. Послѣ этой аудіенціи Сперанскій былъ сосланъ въ Нижній-Новгородъ съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ передвинуться еще да-

ведливъ и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!» Увы! Екатерина даже пережила это несчастіе!.. Въ самомъ дѣлѣ, было ли исполнено «намѣреніе ея законовъ»? Въ наказѣ она писала о «равенствѣ всѣхъ гражданъ», которое «состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ» (Наказъ, глава V, ст. 34). А между тѣмъ 45% всѣхъ ея подданныхъ—все крѣпостное крестьянство—были лишены охраны какого бы то ни было закона и отданы во власть безграничнаго господскаго произвола; и это обстоятельство, помимо нарушенія основныхъ требованій справедливости, отражалось губительнѣйшимъ образомъ и на государственномъ спокойствіи (вспомнимъ пугачевщину), и на матеріальномъ благосостояніи Россіи, и на положеніи общественной нравственности. Далѣе, въ томъ же Наказѣ Екатерина нарисовала идеаль благоустроеннаго государства, въ которомъ все управленіе разсчитано на обезпеченіе свободы и безопасности гражданъ, въ которомъ «гражданинъ не боится другого гражданина, и всѣ боятся только однихъ законовъ», въ которомъ лица, облеченныя властью, «не обращаютъ въ собственную пользу своихъ чиновъ и званій».

Что же было сдѣлано для воплощенія этого идеала въ жизни? Былъ созданъ цѣлый рядъ новыхъ учреждений для управленія губерніями и для дѣятельности этихъ учреждений были написаны прекрасныя инструкции. Но бумажныя предписанія и бумажный контроль не въ силахъ были выкурить изъ стѣнъ канцелярій крѣпостническаго духа произвола. Въ губерніи властвовалъ намѣстникъ, въ центрѣ—вельможные фавориты. Что получалось въ результатѣ этой системы, объ этомъ мы можемъ узнать отъ такого безпристрастнаго и компетентнаго очевидца, какъ великій князь Александръ Павловичъ, будущій императоръ Александръ I. Вотъ что писалъ онъ однажды своему другу Кочубею въ послѣдніе годы царствованія своей бабки: «Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпоря-

докъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ, всѣ части управляются дурно, порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, и имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ». Итакъ, уничтоженіе крѣпостного права и упорядоченіе управления на началахъ законности—таковы были крупнѣйшія задачи будущаго, подсказываемыя уроками прошлаго. Старые екатерининскіе дѣльцы качали головами, раздражались грозными предостереженіями и все же, несмотря на ихъ протесты, разработка отмѣченныхъ задачъ началась съ первыхъ же лѣтъ царствованія Александра I.

Старые екатерининскіе дѣльцы занимали всѣ видные правительственные посты и наполняли собою высшія государственныя учрежденія того времени—Сенатъ и только что образованный при самомъ воцареніи Александра—Государственный Совѣтъ.

Въ противовѣсъ вліянію этихъ сановныхъ стародумовъ около молодого государя, жаждавшего приступить къ серьезнымъ преобразованіямъ, самъ собой образовался негласный, неофициальный комитетъ, составившійся изъ личныхъ друзей Александра. Обыкновенно, по окончаніи обѣда за Высочайшимъ столомъ, послѣ кофе, императоръ удалялся. Пока гости разъѣзжались, четыре человекъ особымъ ходомъ пробирались въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями дворца. Вскорѣ туда же приходилъ государь, и здѣсь то, въ свободной дружеской бесѣдѣ, далекой отъ всякихъ условностей официального церемоніала, постепенно назрѣвали преобразовательные планы. Эти четыре интимныхъ собесѣдника государя были: Новосильцевъ, Строгановъ, Кочубей и Адамъ Чарторижскій. Все это были люди широко образованные, охваченные вліяніемъ передовыхъ идей своего вѣка. Ихъ планы шли очень далеко. Они думали не о частичныхъ улучшеніяхъ и нововведеніяхъ, а о коренной общегосударственной реформѣ.

Этимъ планамъ не суждено было осуществиться, и практическіе результаты работъ неофициальнаго комитета ока-

государю прошеніи «спасти крещеный народъ отъ Араичева», а одинъ изъ русскихъ университетовъ по поводу вздорнаго и неблагого доноса чуть было не былъ наказанъ «публичнымъ стѣнъ онаго разрушеніемъ».

Рѣзкое несоотвѣтствіе между направлениемъ аракчеевской политики и господствующимъ въ обществѣ настроениемъ привело къ тому, что политическіе интересы приняли ненормальное направление. Вопросы о реформахъ управления и крѣпостныхъ отношеній снова были поставлены на обсужденіе, но уже не въ официальныхъ сферахъ, а въ тайныхъ обществахъ. Впрочемъ, «тайна» этихъ обществъ была довольно неглубока. Александръ былъ хорошо освѣдомленъ о ихъ существованіи, но онъ продолжалъ стоять въ нерѣшительности на распутьи между воспоминаніями молодости и разочарованіями зрѣлыхъ лѣтъ...

II.

Секретные комитеты въ царствованіе Николая I-го.

Перемена царствованія и тѣ обстоятельства, при которыхъ совершилось воцареніе новаго императора (попытка государственнаго переворота 14 декабря 1825 г.), глубоко повлияли на дальнѣйшій ходъ нашей внутренней политики. Нерѣшительныя колебанія между двумя намѣченными реформами—политической и социальной—были теперь оставлены. Политическая реформа окончательно была снята съ очереди, и правительство рѣшило (съ тѣмъ большою энергіей) сосредоточить всѣ свои силы на подготовкѣ отмены крѣпостного права. Выбѣтъ съ тѣмъ твердо былъ установленъ тотъ путь, которымъ предстояло вести эти подготовительныя преобразовательныя работы: онѣ должны были двигаться въ тиши канцелярій и особыхъ секретныхъ комитетовъ, недоступныхъ гласному обсужденію въ обществѣ и въ печати. И вотъ болѣе двадцати лѣтъ подрядъ (1826—1848 гг.) цѣлая вереница смѣняющихъ другъ друга «секретныхъ комитетовъ» работаетъ надъ крестьянскимъ вопросомъ.

Двадцать лѣтъ работы надъ однимъ и тѣмъ же вопросомъ! Чѣмъ объяснить такую медлительность? Быть можетъ, труды комитетовъ тормазились упорной партійной борьбой, осложнявшей дѣло преобразованія? Но для развитія партійной борьбы не было подходящей арены: составъ комитетовъ былъ довольно однороденъ, а для всѣхъ, не входившихъ въ этотъ составъ, предположенія комитетовъ оставались окутанными глубокой тайной. Не объяснялась ли медленность этихъ работъ широкимъ размахомъ преобразовательныхъ плановъ, которыми задавались комитеты, и съ которыми трудно было бы сладить въ болѣе короткое время? Нѣтъ, и это предположеніе не можетъ выдержать критики. Члены комитетовъ отличались всѣмъ, чѣмъ угодно, только не смѣлымъ размахомъ политическаго мышленія. При томъ же практическіе результаты ихъ двадцатилѣтней работы оказались на повѣрку болѣе чѣмъ скромными. Когда при императорѣ Александрѣ II были учреждены для выработки реформы губернскіе комитеты и затѣмъ редакціонныя комиссіи, они проработали всего около 4-хъ лѣтъ, и въ результатѣ Россія получила Положеніе 19 февраля 1861 года, составившее эпоху въ исторіи нашей родины. Двадцатилѣтняя работа секретныхъ комитетовъ въ царствованіе императора Николая I не породила *ни одного закона*, осязательно отразившагося на жизненныхъ условіяхъ крѣпостной деревни. Итакъ, что же тормазило и обезсиливало благія намѣренія николаевскаго правительства развязать узелъ крестьянской неволи? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, я напому вкратцѣ, что именно дѣлалось въ интересующихъ насъ секретныхъ комитетахъ.

Черезъ годъ послѣ своего воцаренія, 6 декабря 1826 г., императоръ Николай Павловичъ учредилъ первый секретный комитетъ для разсмотрѣнія многочисленныхъ преобразовательныхъ проектовъ, представленныхъ правительству въ царствованіе императора Александра I.

По одному частному случаю императоръ Николай

Павловичъ повелѣлъ этому же комитету составить проектъ закона о непродажѣ крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли.

Члены комитета тотчасъ же встревожились: въ ихъ воображеніи встала картина всеобщаго ропота со стороны помѣщиковъ. И вотъ, изъ среды комитета вышла слѣдующая мысль, удостоенная Высочайшаго одобренія: изданіе какой-либо облегчительной для крѣпостныхъ крестьянъ мѣры особнякомъ, въ видѣ самостоятельнаго закона, было бы слишкомъ рѣзкимъ шагомъ, который чрезмѣрно взволнуетъ помѣщиковъ; поэтому такую мѣру гораздо лучше включить, какъ одинъ изъ параграфовъ, въ общій законъ о состояніяхъ, гдѣ можно будетъ помѣстить постановленія, благоприятныя и для другихъ сословій. Эта мысль была принята, и комитетъ выработалъ общій «законъ о состояніяхъ». Въ немъ были помѣщены различныя постановленія о порядкѣ пріобрѣтенія потомственного и личнаго дворянства и почетнаго гражданства, и между прочимъ, въ одномъ пунктѣ было включено и запрещеніе продавать крестьянъ безъ земли. На выработку этого «закона о состояніяхъ» ушло три года. Въ 1830 г. законъ былъ готовъ, проведенъ черезъ Государствен. Совѣтъ и даже подписанъ государемъ. Но прежде его обнародованія Николай Павловичъ пожелалъ послать его въ Варшаву на просмотръ своего брата, цесаревича Константина Павловича.

Какъ разъ въ это время во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ вспыхнуло революціонное броженіе, и цесаревичъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ этихъ событій, рѣшительно высказался противъ какихъ бы то ни было преобразовательныхъ попытокъ. Онъ убѣждалъ не колебать стараго государственнаго зданія, доказавшаго свою крѣпость въ теченіе вѣковъ въ то время, какъ кругомъ такъ легко рушатся троны и смѣняются династіи.

Комитетъ былъ распущенъ, и выработанные имъ проекты были сданы въ архивъ. Но дѣятельность комитета все же не прошла безслѣдно; напротивъ, въ области крестьян-

янскаго вопроса этотъ комитетъ задалъ основной тонъ, котораго послушно держались затѣмъ совѣтники императора Николая Павловича во все послѣдующее время его царствования. То былъ тонъ скрытаго, но упорнаго противодѣйствія рѣшительной реформѣ крѣпостнаго быта. Всѣ признавали, что реформа уже стучится въ двери русской жизни, но никто не отваживался на то, чтобы разъ навсегда настезь распахнуть эти двери; всѣхъ пугаль призракъ какого-то неминуемаго общегосударственнаго потрясенія, и вотъ робкая мысль тогдашнихъ политиковъ цѣплялась за полумѣры, за видимыя уступки неизбѣжной необходимости, при которыхъ, однако, все могло бы остаться въ сущности по старому. Отдалить назрѣвшую реформу въ неопредѣленное будущее—вотъ къ чему сводилась завѣтная мечта государственныхъ дѣятелей второй четверти XIX ст. Эту мечту съ обычной ясностью и изящной отточенностью мысли изложилъ въ комитетѣ 1826 г. графъ Сперанскій. Когда-то его искусное перо воплотило въ стройную систему вольнолюбивыя мечты молодыхъ сотрудниковъ императора Александра I. Теперь, испытавъ превратность судьбы и снова вернувшись изъ далекой ссылки на вершину государственной пирамиды, Сперанскій опять прилежно работалъ перомъ съ той-же легкостью и быстротой, съ какой опытный виртуозъ-фехтовальщикъ работаетъ своей шпагой. И снова ему пришлось сдѣлаться редакторомъ несбыточныхъ надеждъ! только прежде онъ редактировалъ мечтанія о реформахъ, которыя не пришлось осуществить, теперь онъ редактировалъ мечты о возможной отсрочкѣ реформы, которую уже нельзя было предотвратить.

Записка Сперанскаго, поданная имъ въ комитетъ 1826 г., вкратцѣ заключалась въ слѣдующемъ. Реформа крѣпостнаго права должна состоять изъ трехъ періодовъ, которые должны слѣдовать другъ за другомъ въ строгой постепенности: 1) Прежде всего нужно вернуть крѣпостное право въ его первоначальныя законныя границы. Въ древности крѣпостное право состояло въ прикрѣпленіи къ землѣ,

съ которой крестьянинъ не могъ уйти, а помѣщикъ не могъ свести крестьянина. Впослѣдствіи рядомъ злоупотребленій укоренился взглядъ на крѣпостного крестьянина, какъ на движимую собственность помѣщика, и помѣщики начали отрывать крестьянъ отъ земли, продавая ихъ оптомъ и въ розницу, закладывая и вообще отчуждая разными способами. Итакъ, прежде всего нужно запретить отчужденіе крестьянъ безъ земли. 2) Затѣмъ нужно всячески поощрять добровольныя освобожденія крестьянъ помѣщиками, уничтоживъ всякія стѣснительныя для этого ограниченія, и наконецъ, 3) нужно установить, чтобы повинности и работы не взыскивались съ крестьянъ по произволу помѣщиковъ, а опредѣлялись бы разъ навсегда по обоюдному между ними договору. Это крайняя точка, до которой Сперанскій считалъ возможнымъ вообще довести реформу. Онъ полагалъ, что ея удастся достичь лишь въ отдаленномъ будущемъ, въ ожиданіи чего онъ предлагалъ заняться преобразованиемъ быта не помѣщичьихъ, а *казенныхъ* крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи ихъ преобразованное положеніе послужило образцомъ и для желательныхъ измѣненій въ быту крестьянъ помѣщичьихъ. Обѣ основныя мысли этой записки Сперанскаго—1) отсрочка реформы крѣпостного права на неопредѣленное время и 2) подмѣна вопроса о помѣщичьихъ крестьянахъ вопросомъ о крестьянахъ казенныхъ—имѣли большой успѣхъ. Второй мыслью воспользовался гр. Киселевъ, одинъ изъ энергичнѣйшихъ сотрудниковъ императора Николая I. Онъ создалъ особое министерство государственныхъ имуществъ (1838 г.), задачей котораго поставилъ *попечительство* надъ государственнымими крестьянами: упорядоченіе ихъ земельного обезпеченія, равномерное распредѣленіе падавшей на нихъ оброчной подати, поднятіе хозяйственнаго благосостоянія, распространеніе грамотности и т. п.

Что же касается первой мысли записки Сперанскаго, то ея послѣдовательно придерживались всѣ остальные секретные комитеты, работавшіе при Николаѣ I.

Черезъ пять лѣтъ послѣ закрытія перваго секретнаго комитета, въ 1835 году былъ учрежденъ второй. Онъ просуществовалъ недолго и ни на шагъ не подвинулъ впередъ крестьянскаго дѣла. Въ немъ преобладала мысль, что въ далекомъ будущемъ можно допустить лишь *безземельное* освобожденіе крестьянъ; но и къ этой цѣли надо итти «нечувствительными» мѣрами, постепенно вводя нѣкоторыя измѣненія, «которыя отнюдь не имѣли бы вида какой-либо перемѣны». Вотъ планъ, характерный для этой эпохи: допускаются нововведенія, но лишь такія, при которыхъ все оставалось бы по старому! Въ 1839 году возникъ третій секретный комитетъ. Въ основаніе работъ этого комитета былъ положенъ пересмотръ указа 1803 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Какъ извѣстно, названный указъ, сохраняя за помѣщикомъ право отпускать на волю *отдѣльныхъ крестьянъ* какъ съ землею, такъ и безъ земли, освобожденіе *цѣлыхъ селеній* дозволялъ не иначе, какъ съ землей. Это-то послѣднее ограниченіе и не нравилось многимъ помѣщикамъ, и князь Меншиковъ началъ горячо ратовать въ комитетѣ за его отмѣну, выставляя идеаль *безземельнаго* освобожденія крестьянъ. Тогда впротивовѣсъ Меншикову выступилъ Киселевъ со своимъ проектомъ объ «обязанныхъ крестьянахъ». Киселевъ одинаково не сочувствовалъ ни безземельному освобожденію крестьянъ, ни отобранію земли у помѣщика въ пользу крестьянина. Онъ предлагалъ средній путь. Пусть крестьяне получаютъ личную свободу, а за помѣщикомъ останется вся его прежняя земля. Но изъ этой земли помѣщикъ обязательно долженъ будетъ выдѣлить освобожденному крестьянину извѣстный надѣлъ. И этотъ надѣлъ останется собственностью помѣщика, но только безъ права согнать съ него крестьянъ, причемъ и крестьяне не будутъ имѣть права сойти съ надѣла. За пользованіе надѣломъ свободные крестьяне должны будутъ отбывать собственнику земли разъ навсегда опредѣленную барщину или оброкъ. Проектъ Киселева прошелъ въ комитетѣ лишь послѣ горячей борьбы, причемъ противники проекта про-

рочили самыя страшныя отъ него послѣдствія, чуть ли не разрушеніе всего государственнаго строя. Проектъ поступилъ затѣмъ въ Государственный Совѣтъ. Засѣданіе Совѣта было обставлено чрезвычайно торжественно. Государь лично открылъ засѣданіе, придавая особенно значеніе предстоящему акту. Онъ произнесъ длинную рѣчь. Тонъ этой рѣчи былъ таковъ, какъ будто государственному организму Россіи предстояло пережить серьезное испытаніе. Въ рѣчи было подчеркнуто, что въ намѣренія правительства не входитъ колебать крѣпостное право, «которое есть зло, но прикасаться къ которому было бы зломъ, еще болѣе гибельнымъ», не менѣе сильно было подчеркнуто и то, что новый законъ есть лишь развитіе стараго закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и что онъ не содержитъ ничего принудительнаго для помѣщика, «предоставляя все единственно его доброй волѣ и влеченію сердца».

Когда затѣмъ указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ изданъ, его изданіе сопровождали циркуляромъ, въ которомъ строго запрещалось «подразумѣвать» въ текстѣ новаго закона что-либо большее того, что выражено «въ самыхъ словахъ» его. Наконецъ, указъ появился въ свѣтъ (1842 г.), и вскорѣ оказалось, что съ нимъ повторилась исторія указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Страхи, ожиданія, предосторожности—все это оказалось излишнимъ. Новый законъ просто-напросто не получилъ почти никакого практическаго приложенія. Онъ ничего не приказывалъ, онъ только *дозволялъ* помѣщикамъ освобождать крестьянъ на извѣстныхъ условіяхъ; тѣ, кому эти условія не нравились, могли вовсе не приступать къ освобожденію. Помѣщики отвели душу въ злобныхъ поношеніяхъ по адресу Киселева, потревожившаго было ихъ мирный обывательскій сонъ, и затѣмъ спокойно поставили крестъ надъ этой затѣей. Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ былъ высшей точкой, до которой доходило законодательное развитіе крестьянскаго вопроса при Николаѣ I.

Въ 40-хъ годахъ было издано еще нѣсколько указовъ,

которые затрогивали лишь отдѣльныя частности крестьянскаго вопроса и притомъ почти не примѣнялись на практикѣ: въ 1841 году—запрещеніе продажи крестьянъ въ розницу, въ 1843 г.—запрещеніе покупки крестьянъ безземельными дворянами, въ 1847 г.—предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на волю съ землей при продажѣ имѣнія за долги помѣщика; 1848 г.—предоставленіе всѣмъ крестьянамъ вообще права пріобрѣтать недвижимую собственность. Въ 1848 году западная Европа снова была охвачена революціоннымъ движеніемъ, и снова это обстоятельство косвенно отразилось на нашей внутренней политикѣ. Начиная съ 1848 г., совершенно прекращаются преобразовательныя попытки николаевскаго правительства. Потребовалось тяжелое испытаніе Севастопольскаго погрома, чтобы вновь была поднята оборвавшаяся нить преобразовательной работы. Но эта работа возобновилась уже при другой обстановкѣ, при новыхъ условіяхъ и при новыхъ людяхъ. Уроки прошлаго не прошли безслѣдно. Причина неудачи секретныхъ комитетовъ николаевскаго царствованія заключалась именно въ ихъ *секретности*. Загородившись отъ общества глухой канцелярской стѣной и утративъ чутье дѣйствительности, эти комитеты преувеличивали опасность назрѣвшей реформы. Они страшились ропота помѣстнаго дворянства и упустили изъ виду, что въ средѣ самого этого дворянства могло найтись значительное меньшинство просвѣщенныхъ и разсудительныхъ людей, готовыхъ отказаться отъ крѣпостнаго права какъ по нравственнымъ, такъ и по матеріальнымъ соображеніямъ. Но эти люди могли оказать правительству должное содѣйствіе только при одномъ условіи—при свободѣ гласнаго обсужденія задуманныхъ преобразованій. Подготовку реформы необходимо было вынести изъ нѣдръ канцелярій на болѣе широкое поприще, и вся совокупность жизненныхъ условій неминуемо должна была привести въ концѣ концовъ именно къ такому исходу.

III.

Крѣпостная Россія первой половины XIX вѣка.

Необходимость отмѣны крѣпостного права повелительно подсказывалась тогда всѣмъ жизненнымъ строемъ Россіи. Россія второй четверти XIX ст. уже выросла изъ стараго крѣпостного порядка, какъ ребенокъ вырастаетъ съ годами изъ дѣтскаго платья. И крѣпостной порядокъ, не будучи въ силахъ остановить самъ по себѣ этого роста, тѣмъ не менѣе связывалъ свободныя движенія государственнаго организма, уродовалъ и искажалъ естественное развитіе народныхъ силъ. Потому-то онъ и былъ обреченъ на уничтоженіе. Бросая взглядъ на различныя стороны внутренняго быта Россіи первой половины XIX столѣтія, мы повсюду замѣчаемъ слѣды глубокихъ переломовъ въ народной жизни. На старой корѣ зеленѣютъ побѣги новой листвы. Но это—чахлая, худосочная зелень: какой-то ядъ, скрытый въ сердцевинѣ дерева, отравляетъ и обезображиваетъ юные отпрыски. Такою представляется намъ крѣпостная Россія XIX вѣка.

Количественно крѣпостная масса медленно, но постепенно сокращалась въ теченіе XIX ст. Тому способствовали различныя обстоятельства: высокій % смертности въ крѣпостной средѣ, выходъ изъ крѣпостного состоянія посредствомъ отбытія рекрутчины, выкупы на волю крѣпостныхъ крестьянъ казною (съ учрежденіемъ въ 1837 г. министерства государственныхъ имуществъ положено было ежегодно выкупать въ казну извѣстное количество помѣщичьихъ имѣній), наконецъ, добровольные отпуски на волю крестьянъ помѣщика на различныхъ условіяхъ, выгодныхъ для землевладѣльцевъ. При всемъ этомъ уменьшеніе крѣпостной массы оказалось въ общемъ чрезвычайно незначительнымъ: за 23 года отъ VIII-й до X-й ревизіи (1836—1859 гг.) крѣпостное населеніе уменьшилось всего на 1,1%. Но зато фактическое положеніе крѣпостного крестьянина

за указанное время не только не улучшалось, а, наоборот, становилось съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе отяготительнымъ.

Крѣпостная вотчина превращалась въ рабовладѣльческую плантацію. Миновала пора, когда каждое крѣпостное хозяйство представляло собою въ экономическомъ отношеніи замкнутый мірокъ, когда барщинныя работы и крѣпостныя оброки обращались исключительно на покрытіе личныхъ нуждъ семьи и хозяйства помѣщика. Помѣщичьи хозяйства все болѣе и болѣе захватывались вліяніемъ развивающихся въ странѣ денежныхъ, мѣновыхъ оборотовъ. Помѣщики начали работать на рыночный сбытъ, начали стремиться къ тому, чтобы извлекать изъ своихъ имѣній возможно большее количество *дохода*. Крѣпостной крестьянинъ ничего не выигрывалъ отъ такой перемѣны; напротивъ, теперь ему приходилось напрягать свои рабочія и платежныя силы до крайней степени. Въ оброчной полосѣ мы видимъ постоянное возвышеніе крестьянскихъ оброковъ: въ теченіе первой половины XIX ст. размѣры этихъ оброковъ идутъ вверхъ быстрыми скачками; въ барщинной полосѣ помѣщики сокращаютъ крестьянскіе земельные надѣлы, расширяютъ собственныя запашки и за меньшее количество земельного вознагражденія требуютъ отъ крестьянина все болѣе и болѣе тяжелой работы. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ во многихъ мѣстностяхъ прежніе барщинные крестьяне превращаются въ настоящихъ безземельныхъ батраковъ. Это такъ называемые *мѣсячники*. Лишенные земельного надѣла, не имѣющіе своего хозяйства, они получали отъ помѣщика «Мѣсячину», т. е. опредѣленное содержаніе, жили въ нарочно устроенныхъ для этой цѣли флигеляхъ или казармахъ, по нѣскольکو семействъ въ одной избѣ, и круглый годъ цѣлою семьею работали на помѣщика подъ строгимъ надзоромъ полновластно распоряжавшагося ими надсмотрщика.

Отрываемое отъ земли, опутанное по рукамъ и ногамъ хозяйственнымъ гнетомъ помѣщика, забитое въ стойло каторжнаго режима, напоминавшаго аракеевскія

военныя поселенія, крѣпостное крестьянство 40-хъ-50-хъ годовъ приходило все въ болѣе ожесточенное, нервно-возбужденное настроеніе. Къ половинѣ XIX ст. жестокой произволь, нелѣпое самодурство помѣщиковъ замѣтно сглаживались и убывали въ связи съ общимъ смягченіемъ общественныхъ нравовъ. Но взамѣнъ отходившаго понемногу въ область преданій личнаго произвола усиливалось и росло постоянное, систематическое давленіе на крѣпостную массу, порождаемое всѣмъ складомъ хозяйственныхъ отношеній. И параллельно этому крѣпнулъ и разростался ропотъ крѣпостного крестьянства. «Народъ портится», въ одинъ голосъ твердили помѣщики 50-хъ годовъ. Это означало, что чаша его непрекословной покорности была переполнена. Статистика крестьянскихъ волненій быстро обогащалась новыми и новыми фактами.

Приносило ли развитіе крѣпостного права матеріальныя выгоды всему государству и самимъ помѣщикамъ? На это краснорѣчиво отвѣчаетъ намъ положеніе помѣщичьяго хозяйства, состояніе торговопромышленныхъ оборотовъ и, наконецъ, затрудненія государственнаго казначейства до-р форменной Россіи XIX ст.

Если успѣхи рыночныхъ оборотовъ отягчали положеніе крѣпостного крестьянина, видоизмѣняя прежнія формы крѣпостного права въ еще болѣе худшіе виды неволи, то и наоборотъ: отсутствіе въ странѣ свободнаго труда подрѣзывало крылья дальнѣйшему развитію національныхъ производительныхъ силъ. Взгляните на положеніе помѣщичьихъ хозяйствъ наканунѣ реформы: громадная масса помѣщичьихъ имѣній уже тогда была заложена и перезаложена, причемъ наиболѣе крупныя и богатыя имѣнія оказывались несостоятельными въ уплатѣ ссудъ и процентовъ по нимъ. Куда же уходили всѣ эти ссуды? За самыми ничтожными исключеніями, онѣ расходовались не на поднятіе хозяйственныхъ ресурсовъ имѣнія, не на усовершенствованіе первобытныхъ системъ хозяйства, а на пустыя прихоти распушеннаго барства. Цѣнность имѣній опредѣлялась ко-

личествомъ поселенныхъ на нихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и заботы о поднятіи производительности почвы, объ улучшеніи хозяйственныхъ приѣмовъ отступали на задній планъ передъ заботами о наибольшемъ напряженіи подневольнаго труда крѣпостныхъ работниковъ. И вотъ, крестьяне пахали, сѣяли и жали совершенно такъ же, какъ они это дѣлали столѣтъ тому назадъ, замѣняя качество труда его количествомъ; а просвѣщенный помѣщикъ на предложеніе приобрести усовершенствованную земледѣльческую машину имѣлъ наготовѣ отвѣтъ: «Я вполне признаю всѣ преимущества этой машины, но что же останется при ней дѣлать моимъ бабамъ?» Это подлинныя слова подлинныхъ помѣщиковъ дореформенной Россіи, записанныя въ свое время вдумчивымъ наблюдателемъ русской деревни. И такъ, отъ напряженности крѣпостного труда не выигрывали успѣхи русскаго земледѣлія. Мало выигрывалъ въ концѣ концовъ и самъ помѣщикъ. Жизнь сдѣлала его поставщикомъ хлѣба на внутренній и внѣшній рынокъ. И вотъ, ему приходилось испытывать на собственномъ карманѣ всѣ изъязы тогдашней хлѣботорговли, вытекавшіе изъ первобытныхъ условій хозяйственнаго быта страны.

Изъ свободнаго хлѣбнаго запаса Россіи, остававшагося отъ внутренняго потребленія, — около 30 милл. четвертей, — за границу вывозилось не болѣе $\frac{1}{6}$ части; остальные $\frac{5}{6}$ некуда было дѣвать, онѣ оказывались чистымъ перепроизводствомъ! Почему? Потому что у Россіи не было желѣзныхъ дорогъ, и стоимость провоза русскаго хлѣба къ портамъ настолько возвышала его цѣну, что русскимъ хлѣботорговцамъ нечего было и мечтать о соперничествѣ на иностранныхъ рынкахъ съ американскимъ хлѣбомъ или сырыми продуктами изъ англійскихъ колоній. То же отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія отзывалось тяжелымъ ущербомъ и на оборотахъ внутренней торговли. Въ хлѣбныхъ цѣнахъ не было никакой устойчивости. Онѣ измѣнялись по годамъ самыми прихотливыми зигзагами, то опадая, то вздуваясь съ полной неожиданностью. Измѣняясъ

по годамъ, эти цѣны, быть можетъ, еще болѣе рѣзко измѣнялись по районамъ. Хлѣбный рынокъ находился въ состояніи полной анархіи. Но почему же Россія того времени не могла обзавестись желѣзнодорожной сѣтью? По той же самой причинѣ, по которой ни одно промышленное предпріятіе не могло тогда крѣпко стать на свои ноги, не находя ни оборотныхъ средствъ, ни кредита, въ то время какъ мертвые капиталы неподвижно лежали въ банкахъ, обростая, какъ мохомъ, процентами на проценты, безъ всякаго промышленнаго употребленія, а русскія фабрики, за самыми немногими исключеніями, держались только правительственными субсидіями и покровительственными тарифами. Только раскрѣпощеніе труда могло вдохнуть жизнь въ вяло прозябавшую русскую промышленность и торговлю.

Слѣдуетъ ли удивляться тому, что при такомъ экономическомъ застоѣ положеніе государственныхъ финансовъ представляло самую печальную картину. Государственные потребности быстро разрастались, а источники ихъ удовлетворенія быстро изсякали. Черезъ всю первую половину XIX столѣтія красной нитью проходитъ одна господствующая черта въ положеніи нашихъ финансовъ: непрерывное нарастаніе дефицита. Въ 1825 г. дефицитъ равнялся 4 милліонамъ рублей, въ 1855 г. 262 милліонамъ рублей. За всѣ первыя 50 лѣтъ XIX вѣка мы встрѣчаемъ только 15 благополучныхъ годовъ, когда доходы превысили расходы; все это ранніе годы этого періода. Остальныя 40 лѣтъ— всѣ дефицитныя, причемъ съ 1832 года идетъ уже сплошной дефицитъ, и графа избытковъ на долгое время совсѣмъ исчезаетъ изъ нашихъ бюджетныхъ росписей. Какъ же изворачивалось государственное казначейство? Отвѣтъ на это даютъ намъ цифры *государственнаго долга* за тѣ же полвѣка. Общая сумма всѣхъ процентныхъ долговъ Россіи, внѣшнихъ и внутреннихъ, равнялась въ 1817 г.—94 милл. руб. сер., 1852 г.—402 милл. руб. сер. Затѣмъ къ этому надо прибавить еще безпроцентный внутренній долгъ, заключавшійся въ формѣ выпуска ассигнацій. Въ 1817 году

ассигнацій обращалось всего на 836 милл. руб., и, только начиная съ 1823 г., количество ассигнацій въ обращеніи было твердо установлено на цифрѣ 525.776.310 рублей.

Приведенные въ этой главѣ факты достаточно убѣждаютъ въ томъ, какъ многообъемлюще было тлетворное вліяніе крѣпостного права на жизнь дореформенной Россіи. Крѣпостное право грозило государственному спокойствію, тормазило успѣхи земледѣлія, погружало въ летаргію промышленную предприимчивость, изсушало источники государственнаго дохода. И если мы прибавимъ ко всему сказанному, что то же крѣпостное право возмущало нравственное чувство всѣхъ истинно просвѣщенныхъ сыновъ родины, то намъ станетъ совершенно ясно, почему вопросъ о крестьянской реформѣ уже не могъ быть снятъ съ очереди вплоть до своего окончательнаго разрѣшенія. Секретные комитеты николаевскаго царствованія не сумѣли справиться съ задачей этой реформы. Но отказаться отъ ея разрѣшенія было невозможно. Оставалось одно—испробовать новый путь.

IV.

Реформы 60-хъ годовъ.

Предшествующая глава, въ которой мы обозрѣли главнѣйшія особенности дореформенной Россіи, привела насъ къ тому заключенію, что къ половинѣ XIX в. развитіе русской жизни достигло критическаго момента. Неизбѣжность коренной реформы становилась все болѣе очевидной; не менѣе очевидной становилась также и необходимость приступить къ реформѣ при помощи самого общества, при содѣйствіи всѣхъ его живыхъ и дѣятельныхъ силъ. Плодъ назрѣлъ; одинъ порывъ вѣтра,—и онъ сорвется съ вѣтки... Такимъ рѣшающимъ дуновеніемъ оказалась Крымская кампанія, разыгравшаяся на рубежѣ двухъ царствованій и закончившаяся, несмотря на беззавѣтный героизмъ русскихъ войскъ, погромомъ Севастополя. Эта тяжелая неудача без-

попадно обнажила картину полного разложения дореформенного строя Россіи. Для людей, привыкших серьезно и добросовѣстно мыслить, обобщая отдѣльныя явленія, давно уже не было тайной, что крѣпостническій складъ государства грозитъ катастрофой всѣмъ сторонамъ государственнаго и общественнаго быта. Севастопольскій погромъ сдѣлалъ эту истину для всѣхъ одинаково убѣдительною и наглядною. Теперь и слѣпые прозрѣли, и у глухихъ отверзлись уши. Пусть заявленія благородныхъ людей о томъ, что существованіе рабства оскорбляетъ чувство человѣчности, по-прежнему казались «трезвымъ практикамъ» смѣшною сентиментальностью; пусть указанія вдумчивыхъ наблюдателей современности на экономическія невыгоды рабскаго труда какъ для народнаго, такъ и для государственнаго хозяйства по-прежнему принимались толпой рутинеровъ за отвлеченно-кабинетныя измышленныя, но теперь, послѣ всего пережитого, «практика» и рутинеры уже не могли зажимать ротъ своимъ противникамъ ссылками на политическую необходимость крѣпостнаго порядка: теперь уже нельзя было объявлять крѣпостное право единственнымъ оплотомъ государственной мощи Россіи; завѣса спала, крѣпостная имперія, раскинувшая свои владѣнія въ двухъ частяхъ свѣта, предстала взорамъ всѣхъ безъ исключенія въ своемъ истинномъ видѣ:—колоссомъ на глиняныхъ ногахъ!

Лишь только былъ заключенъ Парижскій миръ, и вопросъ о войнѣ былъ поконченъ, обществомъ овладѣло настроеніе смутнаго ожиданія. Заключеніе мира было прелюдией къ внутреннимъ реформамъ; это было ясно для всѣхъ, и только какія-нибудь Собакевичи и Коробочки, навѣки замурованные въ глуши своихъ усадебъ, могли еще обольщать себя увѣренностью, что *«этого»* никогда не будетъ.

А между тѣмъ манифестъ, возвѣщавшій о заключеніи мира, уже предувѣдомлялъ о необходимости капитальныхъ внутреннихъ преобразованій.

Отмѣна крѣпостнаго права и поземельное устройство

освобожденнаго крестьянства должны бы ли явиться краеугольнымъ камнемъ этихъ преобразованій.

На первыхъ порахъ правительство, рѣшившееся вступить на путь реформъ, прибѣгло къ старому средству: въ 1875 г. императоръ Александромъ Николаевичемъ вновь былъ учрежденъ *секретный* комитетъ по крестьянскому вопросу. Этотъ комитетъ собрался лишь для того, чтобъ окончательно подтвердить своимъ примѣромъ достаточно уже испытанную непригодность бюрократическихъ приемоу въ разработкѣ коренныхъ государственныхъ реформъ. Теперь само правительство стремилось уже перенести разработку реформы на поприще общественнаго обсужденія, желая достигнуть того, чтобъ отказъ отъ крѣпостнаго права вышелъ изъ собственной среды дворянства. Опасеніе неудовольствій со стороны дворянства на лишеніе его тѣхъ преимуществъ, которыя вытекали изъ крѣпостнаго права, все еще сильно озабочивало правительство. И вотъ возникла идея—разрушить крѣпостное право руками самихъ дворянъ. Но какъ именно это сдѣлать? Вотъ вопросъ, на который нельзя было найти никакого отвѣта въ обычной правительственной практикѣ того времени. Дореформенная Россія не знала никакихъ формъ участія общества и законодательной дѣятельности. Приходилось вновь изобрѣтать эти формы, приходилось выпустить государственный корабль на просторъ еще неизвѣданнаго моря. Таковы были условія, благодаря которымъ правительство приступало къ преобразованію крѣпостныхъ отношеній безъ заранѣе обдуманнаго точнаго плана.

Въ началѣ преобразовательныхъ работъ никто еще не зналъ, въ какія очертанія сложатся ихъ конечные результаты. Великая реформа двигалась какъ бы сама собой, какимъ-то стихійнымъ внутреннимъ процессомъ, ея основы намѣчались мало-по-малу въ пылу самой работы, подъ вліяніемъ разнообразныхъ, нерѣдко неожиданныхъ, осложняющихъ обстоятельствъ. При учрежденіи секретнаго комитета 1857 г. никто еще не предвидѣлъ послѣдующаго возникновенія губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, которымъ было поручено начертать первоначальные проекты

преобразованія, а при началѣ работъ этихъ дворянскихъ комитетовъ никто не предвидѣлъ, что составленные ими проекты подвергнутся обработкѣ и переработкѣ въ такъ называемыхъ «редакціонныхъ комиссіяхъ», прежде чѣмъ общій сводный проектъ поступитъ на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу и затѣмъ Государственнаго Совѣта. Такой ходъ разработки великой реформы не могъ не отразиться на добытыхъ въ концѣ концовъ результатахъ. «Положеніе» 19 февраля 1861 г. въ достаточной мѣрѣ отпечатлѣло на себѣ слѣды колебаній законодателя между разнорѣчивыми началами, попеременно всплывавшими на поверхность въ теченіе разработки реформы. Духомъ компромисса вѣетъ на насъ отъ этого законодательнаго памятника. Но все же то былъ компромиссъ между различными стремленіями, гнѣздившимися въ самомъ *обществѣ* того времени. Вмѣстѣ съ духомъ компромисса на насъ вѣетъ отъ этого «Положенія» также и духомъ *борьбы*, цѣною которой была куплена каждая строка этого памятника. Гдѣ борьба, тамъ и жизнь, тамъ и надежда на побѣду. Пусть побѣда дается не сразу, пусть на каждомъ шагу приходится мириться съ временными взаимными уступками, но чѣмъ шире и просторнѣе арена борьбы, тѣмъ вѣрнѣе свободное соревнованіе общественныхъ силъ приблизится къ той равнодѣйствующей, которая ведетъ къ осуществленію общественной справедливости. Характерной чертой крестьянской реформы 1861 г. явилось какъ разъ дѣятельное участіе общества въ ея выработкѣ. Учрежденіе губернскихъ комитетовъ было открытымъ обращеніемъ правительства къ общественной самодѣятельности. Въ этихъ комитетахъ сторонники и противники эмансипаціи впервые помѣрились силами. Комитеты раздѣлились на большинства и меньшинства, между которыми возгорѣлась жаркая борьба. Въ иныхъ мѣстахъ дѣло доходило до того, что нѣкоторые члены являлись на засѣданіе комитетовъ не иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Одинъ изъ видныхъ участниковъ реформы, Юрій Самаринъ, писалъ про эту борьбу сторон-

никовъ освобожденія съ вождедѣніями крѣпостнической партіи: «Временами бываетъ страшно тяжело, а все же во сто кратъ лучше прежней спячки». Въ то же время на страницахъ серьезныхъ журналовъ кипѣла полемика по основнымъ вопросамъ реформы, такъ какъ съ учрежденіемъ губернскихъ комитетовъ повременной печати было разрѣшено,—къ сожалѣнію, не надолго,—свободное обсужденіе крестьянскаго дѣла. Участіе общества въ подготовкѣ реформы подвинулось и далѣе: въ виду преобладанія крѣпостническаго большинства въ составѣ какъ губернскихъ комитетовъ, такъ и главнаго комитета по крестьянскому вопросу, люди, стоящіе на стражѣ крестьянскихъ интересовъ, добились учрежденія особой «редакціонной комиссіи» для сводки и обработки всѣхъ губернскихъ проектовъ. Составъ этой комиссіи былъ далеко не обыченъ—кромѣ правительственныхъ членовъ, туда вошли члены-эксперты, приглашенные изъ среды тѣхъ круговъ дворянства, которые сочувствовали дѣлу эмансипаціи. Членовъ-экспертовъ было вдвое болѣе, чѣмъ членовъ отъ правительства: первыхъ было—20, послѣднихъ—11. Все это были сливки тогдашней интеллигенціи, блиставшіе такими именами, какъ Николай Милютинъ, какъ Юрій Самаринъ. Проектъ, выработанный редакціонными комиссіями, въ свою очередь, былъ подвергнутъ критикѣ депутатовъ, вызванныхъ отъ губернскихъ комитетовъ, и взаимная полемика депутатовъ и редакціонныхъ комиссій составила одинъ изъ наиболѣе драматическихъ моментовъ въ исторіи разработки реформы. Не вдаваясь въ подробности, я лишь вкратцѣ намѣчу здѣсь, съ какой постепенностью выяснялись начала реформы во время всѣхъ этихъ перипетій. Секретный комитетъ 1857 г. ограничился принципиальнымъ признаніемъ необходимости отбѣны личной крѣпостной зависимости, оговоривъ при этомъ, что освобожденіе можетъ быть осуществлено лишь медленнымъ путемъ частичныхъ мѣропріятій. Освобожденіе допускалось безземельное, развѣ только съ выкупомъ однѣхъ усадебъ. Затѣмъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, изданномъ

въ ноябрѣ 1857 г. на имя виленскаго ген.-губ. Назимова, были провозглашены слѣдующія начала: крестьянамъ даруется личная свобода безъ выкупа, помѣщикамъ сохраняется право *собственности* на всю свою прежнюю землю, съ обязательствомъ выдѣлить въ *пользованіе* крестьянъ за оброкъ или барщину опредѣленные участки; въ теченіе 10 лѣтъ крестьяне имѣютъ право выкупить въ собственность свои *усадебь*, но не земельный надѣлъ. Помѣщикъ сохраняетъ въ своихъ рукахъ вотчинную полицію въ предѣлахъ имѣній. На почвѣ этихъ началъ должны были приступить къ работѣ губернскіе комитеты. Меньшинства этихъ комитетовъ въ союзѣ съ передовой журналистикой вывели реформу на новый путь. Ко времени учрежденія редакціонныхъ комиссій былъ выдвигнутъ рядъ новыхъ началъ: идея *выкупа* крестьянами въ собственность *земельныхъ надѣловъ* при помощи правительственной финансовой операціи; прекращеніе срочно-обязаннаго положенія съ совершеніемъ выкупа надѣловъ; отмена вотчинной власти помѣщика; необходимость установленія крестьянскаго самоуправленія. Редакціоннымъ комиссіямъ выпало на долю отстаивать эти начала отъ посползованія крѣпостнической партіи и развить ихъ въ стройное, объединенное единымъ принципомъ положеніе. Въ значительной мѣрѣ, благодаря ихъ стараніямъ, реформа была въ концѣ концовъ осуществлена на четырехъ основаніяхъ: личное освобожденіе безъ выкупа, обязательный выкупъ усадебъ, добровольный выкупъ земельныхъ надѣловъ, сословное крестьянское самоуправленіе. Но и усилія крѣпостнической партіи не остались безслѣдными: размѣры земельныхъ надѣловъ были сильно урѣзаны противъ первоначальныхъ предположеній, а размѣры оброчныхъ и выкупныхъ платежей повышены несоразмѣрно съ дѣйствительною стоимостью надѣльной земли. И то, и другое тяжело отразилось на судьбѣ освобожденнаго крестьянина при практическомъ осуществленіи провозглашенныхъ реформою началъ.

Осуществленіе крестьянской реформы обязывало къ дальнѣйшимъ преобразовательнымъ шагамъ. Завершеніе

общественнаго раскрѣпощенія прежде всего логически вызвало вслѣдъ за собою переработку системы государственныхъ податей и повинностей. Разъ всѣ сословія стали равны передъ лицомъ закона по своимъ гражданскимъ правамъ, прежнее раздѣленіе общества на податныя и неподатныя состоянія теряло оправданіе. Несеніе государственныхъ повинностей должно было принять всесословный характеръ. Такъ, введеніе всесословной воинской повинности явилось непосредственнымъ слѣдствіемъ обновленія нашего гражданского быта. Къ сожалѣнію, податная система, вопреки общему направленію преобразовательной эпохи, сохранила на себѣ многія черты, унаслѣдованныя отъ крѣпостническаго строя. Далѣе, народившаяся гражданская равноправность всей совокупности населенія создавала возможность объединенной дѣятельности всѣхъ сословій въ области управленія, а паденіе крѣпостническаго принципа должно было ограничить то господство бюрократіи, которое выросло нѣкогда именно на основѣ закрѣпощенности общественныхъ классовъ. Такъ, реформа крестьянская расчищала почву для введенія всесословнаго земскаго самоуправленія. Но земская реформа, осуществленная черезъ четыре года послѣ крестьянской, готовилась уже при совершенно иной обстановкѣ. Конечная цѣль обѣихъ реформъ была одна и та же: призваніе Россіи къ обновленному существованію. Но при выработкѣ каждой изъ этихъ реформъ настроеніе правящихъ круговъ было глубоко различно. Въ 1861 году враги преобразованія получили отъ законодателя нѣкоторыя уступки въ свою пользу, только благодаря собственнымъ дружнымъ усиліямъ, въ 1864 г. наоборотъ—все главное руководство подготовкой реформы попало въ руки той партіи, которая неодобрительно смотрѣла на смѣлую преобразовательную дѣятельность, въ глубинѣ души жалѣя о старинѣ. Прежній министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и его товарищъ Н. Милютинъ получили отставку. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ сталъ Валувевъ, принимавшійся за земскую реформу, скрѣпя сердце, только потому,

что избѣжать этой реформы не позволяла могущественная сила событій. Обращенія къ содѣйствію всего общества при выработкѣ реформы уже не воспослѣдовало. Проектъ земскаго положенія былъ составленъ въ правительственной комиссіи, въ которую были приглашены лишь нѣкоторые эксперты, и затѣмъ прямо поступилъ въ Государственный Совѣтъ. Въ 1864 г. Россія получила всесословное земское самоуправленіе. Многія черты земскаго положенія отразили на себѣ ту мнительность, подъ давленіемъ которой работали его составители. Въ скрытомъ видѣ во всесословное земство было все же проведено начало сословности съ предоставленіемъ значительнаго преобладанія дворянскому классу. Такъ, при земскихъ выборахъ избиратели группировались не по округамъ, не по мѣсту жительства, а по составу имущества, причемъ за этими имущественными группами крылись въ сущности чисто сословныя дѣленія—помѣщики, сельскія общества и городскія общества. Количество гласныхъ, избиравшееся каждой изъ этой группъ, было неравномѣрно: на сторонѣ гласныхъ отъ дворянъ оказывался громадный количественный перевѣсъ. Кругъ дѣятельности, предоставленный новому земству, былъ строго ограниченъ узкими рамками мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, причемъ земство не получило даже власти принужденія по отношенію къ издаваемымъ имъ постановленіямъ и распоряженіямъ. Наконецъ, земство было подчинено во всѣхъ шагахъ своей дѣятельности весьма стѣснительному контролю администраціи. Конечно, контроль въ общественныхъ дѣлахъ былъ необходимъ, но для поднятія значенія земства было бы гораздо предпочтительнѣе подчинить земскіе органы самостоятельной ответственности передъ судомъ, чѣмъ обрекать ихъ хожденію на помочахъ административнаго надзора. И все же, при всѣхъ этихъ недостаткахъ и пробѣлахъ закона,—земское положеніе 1864 года открыло собой новую эру въ жизни русскаго общества; и кто способенъ убѣжденно обвинять русское земство въ бесплодности 37-лѣтняго существованія, тотъ обнаруживаетъ только одно: полное невѣдѣніе истиннаго

состояніи русской дореформенной, до-земской провинціи.

Черезъ 6 лѣтъ послѣ осуществленія земской реформы всеобщее самоуправленіе было распространено и на города. По способу своей выработки городская реформа 1870 г. заняла среднее положеніе между реформами крестьянской и земской. Подобно первой, городская реформа сопровождалась обращеніемъ къ обществу въ лицѣ особо учрежденныхъ въ городахъ комиссій изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій городского населенія; подобно второй—эта реформа была осуществлена независимо отъ стремленій передовыхъ элементовъ общества, причѣмъ многія изъ завлеченій упомянутыхъ комиссій были оставлены безъ вниманія. Въ комиссіяхъ городскихъ депутатовъ, между прочимъ, проявились слѣдующія стремленія: наряду съ имущественнымъ цензомъ для городскихъ гласныхъ установить и образовательный цензъ, съ цѣлью введенія въ составъ городскихъ думъ наибольшаго количества интеллигентныхъ обывателей города; отиѣнить дѣленіе городского общества на разряды для укрѣпленія единства городскихъ интересовъ; количество гласныхъ отъ каждаго сословія соразмѣрить съ численностью сословія; подчинить дѣятельность думъ одному общественному контролю; установить выборную отъ города позицію.

На самомъ дѣлѣ въ городовомъ полож. 1870 г. были установлены для гласныхъ и ихъ избирателей только имущественный цензъ, причѣмъ въ составъ гласныхъ и избирателей были допущены только домовладѣльцы съ исключеніемъ квартиранимателей, была установлена такая система выборовъ, по образцу прусской, благодаря которой въ составъ гласныхъ получили численный перевѣсъ представители наиболѣе состоятельныхъ классовъ городского населенія; кругъ дѣятельности органовъ городского управленія и ихъ подчиненности административному надзору былъ поставленъ приблизительно въ тѣ же рамки, какія были созданы и для земствъ положен. 1864 г.

Наконецъ, обновленіе государств. механизма, обусловленное раскрѣпощеніемъ сословій, завершалось созданіемъ новыхъ судебныхъ учреждений. Реформа суда входила неустра-

нимымъ звеномъ въ цѣпь преобразованій 60-хъ гг. Судь—регуляторъ практическаго дѣйствія освященнаго закономъ государственнаго порядка. Съ кореннымъ видоизмѣненіемъ этого порядка не можетъ не измѣниться и судь въ своихъ основахъ.

Историки преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ единогласно признаютъ судебную реформу 1864 года наиболѣе удавшейся, наиболѣе совершенной изъ всѣхъ реформъ этого замѣчательнаго десятилѣтія. Разнообразныя причины создали эту удачу. Съ одной стороны, выработка судебной реформы не осложнялась той борьбой классовъ, которая была возбуждена проведеніемъ крестьянской реформы; съ другой стороны, подготовка судебной реформы была введена строго систематично: прежде разработки частныхъ были точно установлены и получили утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ коренныя основы всего преобразованія, отъ которыхъ затѣмъ уже не допускалось никакихъ уклоненій. Наконецъ, разработка судебной реформы попала въ хорошія, надежныя руки горячо преданнаго благу Россіи кружка молодыхъ юристовъ во главѣ съ Заруднымъ. Еще въ 50-хъ гг. во второмъ отдѣленіи собственной его Величества канцеляріи были выработаны проекты преобразованій по судебной части. Составленные однимъ изъ дѣятелей николаевскаго царствованія Блудовымъ, эти проекты были пропитаны тѣмъ духомъ нерѣшительности, колебанія между новыми идеями и старыми порядками, который былъ такъ свойственъ преобразовательнымъ попыткамъ той эпохи. Въ 1861 г., тотчасъ по освобожденіи крестьянъ, государственная канцелярія получила порученіе переработать блудовскіе проекты, а въ 1862 г. Высочайшимъ рескриптомъ той же канцеляріи было повелѣно преобразовать судебную часть «на основаніи опыта науки и европейскихъ государствъ». Тутъ-то и выдвигается на первый планъ кружокъ прикомандированныхъ къ государственной канцеляріи юристовъ со своимъ вдохновителемъ Заруднымъ. Въ сентябрѣ 1862 г. черезъ государственный Совѣтъ проходятъ «главныя начала» судебной реформы.

Затѣмъ комиссія при государственной канцеляріи раздѣлилась на три секціи для начертанія проектовъ судебныхъ уставовъ, на основаніи уже утвержденныхъ общихъ началъ, а 20 ноября 1864 г. Высочайшій рескриптъ повѣстилъ о созданіи новаго труда. Въ основу судебной реформы были положены слѣдующія начала: равенство всѣхъ сословій передъ судомъ; публичность и гласность процесса, отдѣленіе судебной власти отъ административной, начиная уже съ мировыхъ судебныхъ установленій; отдѣленіе сужденія о фактѣ преступленія отъ сужденія о выборѣ наказанія за признанное преступленіе и въ связи съ этимъ учрежденіе института присяжныхъ засѣдателей; состязательность процесса и созданіе присяжной адвокатуры, самостоятельное положеніе мирового суда, подчиненнаго наравнѣ съ общими судами непосредственно сенату. Конечно, и судебная реформа 1864 года, какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, не избѣгла недостатковъ. Въ числѣ этихъ недостатковъ компетентные цѣнители указываютъ на неблагопріятное для правильности процесса совмѣщеніе въ прокуратурѣ роли частнаго обвиненія съ ролью прасительственнаго надзора, на зависимость судебныхъ слѣдователей отъ прокурорской власти, на отсутствіе состязанія сторонъ при предварительномъ слѣдствіи и т. п. Но всѣ эти недостатки касаются все-таки частныхъ, подробностей, которыя должны быть усовершенствованы, но которыя и въ настоящемъ своемъ состояніи все-таки не умаляютъ великихъ достоинствъ судебныхъ уставовъ императора Александра II

Мы обозрѣли главнѣйшія реформы, осуществленныя въ 60-хъ годахъ. Ихъ сопровождали и другія преобразованія, касавшіяся, на примѣръ, государственнаго счетоводства высшаго народнаго образованія, положенія повременной печати и т. д., всѣ такъ или иначе проникнутыя обновительнымъ духомъ эпохи и направленныя къ обезпеченію началъ строгой законности и свободнаго общественнаго развитія. Исчерпывали ли всѣ эти преобразованія назрѣвшія нужды Россіи? Конечно, нѣтъ; скорѣе наоборотъ—они только расчи-

шали почву для дальнѣйшей плодотворной работы въ намѣченномъ направленіи, работы, которая не можетъ остановиться, пока не остановится пульсъ народной жизни, вѣчно рождающей все новыя запросы и ставящей передъ законодателемъ все новыя задачи. Застой, оцѣпенѣніе, это—лозунгъ дореформенной эпохи; движеніе впередъ—вотъ лозунгъ новой Россіи.

V.

Пореформенная Россія второй половины XIX вѣка.

Реформаціонная эпоха 60-хъ годовъ принесла свои плоды. Сопоставьте Россію первой и второй половины XIX ст., и вы поразитесь грандіозностью пережитаго ею за это время превращенія. Это какъ-бы два государства, родственныя другъ другу, но безконечно различающіяся другъ отъ друга очертаніями своего жизненнаго склада. Раскрѣпощеніе труда дало могучій толчекъ развитію народнаго и государственнаго хозяйства, и, если успѣхи русской промышленности омрачаются картиной обнищанія русской деревни, то вина послѣдняго обстоятельства падаетъ не на основныя начала крестьянской реформы, а на тѣ ея пробѣлы и непослѣдовательности, источникъ которыхъ мы отмѣтили выше. По оживленію своихъ торговопромышленныхъ оборотовъ, по усовершенствованію своихъ путей сообщенія*), по изошренію своей житейской культуры пореформенная Россія сдѣлала такіе крупныя шаги по пути приближенія къ культурѣ европейскаго Запада, о которыхъ не могла и мечтать Россія Александра I и Николая I. Конечно, и въ наши дни крупныя городскіе центры и провинціальная глушь представляютъ собою по отношенію другъ къ другу, какъ бы два разнородные міра, различающіеся своими успѣхами не только количественно, но и качественно; но и въ этомъ отношеніи прогрессъ сравнительно съ предшествовавшей эпохой неизмѣримо великъ. Достаточно

*) Въ годъ смерти императора Николая I желѣзнодорожная сѣть Россіи вся была уложена на 900 вер. (ж. д. Николаевская, Царско-сельская и небольшой участокъ отъ Варшавы до австрійской границы). Въ 70-хъ гг. она покрывала уже около 30 тысячъ вер. Телеграфная сѣть въ годъ смерти императора Николая I не превышала 2000 вер., а къ концу царствованія Александра II она составляла почти 75 тысячъ верстъ.

напомнить, что сельская больница и сельская школа— сверстницы русского земства: для дореформенной провинции все это были бы столь же диковинные вещи, какъ и желѣзная дорога, телефонъ или фонографъ. Съ ростомъ народного богатства, съ развитіемъ и усложненіемъ общественной жизни, съ взаимнымъ сближеніемъ сословій естественно было ожидать неослабнаго усиленія и преобразовательной правительственной дѣятельности при все большемъ согласованіи ея съ направленіемъ мужающей общественной мысли. Какіе же новые горизонты открывались передъ взоромъ законодателя? Прежде всего надлежало подвести балансъ обширному наслѣдію, оставшемуся отъ законодательнаго творчества 60-хъ гг. Реформы этихъ лѣтъ, какъ мы только что видѣли, всѣ были логически объединены общимъ основнымъ принципомъ. Однако, въ цѣломъ рядъ весьма существенныхъ подробностей онѣ представили уклоненія отъ этого принципа. Не во всемъ онѣ гармонировали другъ съ другомъ; да даже и взятыя въ отдѣльности, не всѣ онѣ выдержали свой основной принципъ съ полной послѣдовательностью. Причина этого крылась, какъ мы уже знаемъ, частью въ борьбѣ классовъ за свои противорѣчивые интересы, заставившей законодателя лавировать между взаимными уступками, частью въ измѣнчивомъ настроеніи самихъ правящихъ круговъ въ теченіе реформаціоннаго десятилѣтія. Очищеніе великихъ законодательныхъ памятниковъ отъ этихъ неполнотъ, завершеніе оставленныхъ въ нихъ пробѣловъ, вотъ что могло бы послужить естественной исходной точкой дальнѣйшихъ успѣховъ нашего политическаго развитія. Но историческія обстоятельства сплелись иначе. Въ 70-хъ годахъ преобразовательная работа пресѣклась, если не считать созданія классической школьной системы, недавно торжественно осужденной съ высоты трона и, — надо думать, доживающей теперь свои послѣдніе дни.

Эпоха законодательнаго творчества смѣнилась эпохой усиленной борьбы съ оппозиціей, которая получила теперь выдающееся значеніе въ общественной жизни Россіи. А когда

ВОСКРЕСЕНІЕ
Городской библиотеки
ВИБ.

въ 80 и 90 гг. систематическія законодательныя работы были возобновлены, ихъ общее направленіе уже не было обвѣяно освободительнымъ духомъ минувшей реформаціонной эпохи. Новыя положенія (земское—1890 г. и городское—1892 г.) еще болѣе ограничили область общественнаго самоуправленія, еще болѣе усилили административную надъ нимъ опеку и открыли дальнѣйшій просторъ возрожденію сословнаго начала въ строѣ мѣстнаго управленія. Не остались въ неприкосновенности и судебные уставы имп. Александра II: рядомъ новыхъ законовъ былъ поколебленъ принципъ несмѣняемости судей, ограничена гласность процесса, сужена область дѣйствія суда присяжныхъ.

Этихъ немногихъ указаній достаточно для характеристики того поворота, который окончательно намѣтился съ 80-хъ годовъ въ ходѣ нашей внутренней политики. Преобразовательная программа 60-хъ годовъ не была отвергнута цѣликомъ, это было бы и невозможно въ виду глубокой жизненности ея основныхъ началъ, но предпринятая переработка унаслѣдованныхъ отъ нея учреждений шла все же слишкомъ далеко, не ограничиваясь частностями, знаменуя собою принципиальное измѣненіе политическаго курса.

XIX вѣкъ въ исторіи Россіи разбивается на двѣ половины. Первая половина его является завершеніемъ вѣкового процесса раскрѣпощенія общества. Въ XVIII в. было раскрѣпощено дворянство и были сдѣланы первые отдаленные шаги къ созданію свободнаго городского общества. Къ срединѣ XIX ст. раскрѣпощеніе было распространено на все населеніе имперіи. Со второй половины XIX ст. открывается эпоха выработки новыхъ началъ общественнаго и государственнаго быта для раскрѣпощенія Россіи. На этомъ пути нами пройдены пока лишь первые этапы.

Изданія Н. Парамонова „Донскаго Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

1 В. Г. Короленко—Примышь . . . 2 к.	49 В. И. Немировичъ-Данченко—
2 В. Г. Короленко—Примышь . . . 2 к.	Воскресшая плыль 5 к.
3 В. Г. Короленко—Примышь . . . 2 к.	50 В. Вересаевъ—Повѣтри 4 к.
3 Е. Н. Черниковъ—Маленькая	51 Н. П. Евдокимовскій — Дертная
грѣшница 1 к.	Печальная 3 к.
4 Л. Н. Андреевъ—Баргамотъ и	52 В. Г. Дмитриева—Волки 3 к.
Гараська [съ картинк.] 1½ к.	53 ^р Серафимовичъ—Стыжные люди 3 к.
5 ^р Кротъ—Исторія черн. сор-	54 Н. Митропольскій—На плотяхъ 3 к.
туна 1 к.	55 Короленко—Черкошь [съ 2 рис.] 4 к.
6 Крадѣвская—Для души 2 к.	56 В. Вересаевъ—Завѣла (восточн.
7 Е. Н. Черниковъ—Синья 2 к.	сказка) 1½ к.
8 ^р В. И. Немировичъ-Данчен-	57 Н. Д. Толешкинъ—Противъ общины 2 к.
ко—Старый замокъ 3 к.	58 Яблоновскій—Въ консултаци 3 к.
9 А. Н. Свиревъ—Забракованный 2 к.	59 Пѣсни труда 5 к.
10 ^р Котикъ—Ошнокъ 3 к.	60 Темный—Сиротинъ (изъ жизни
11 В. Г. Короленко—Во всѣ знаютъ 3 к.	рабочихъ) 3 к.
12 Н. М. Степановичъ—За „Щу-	61 Только часъ А. Крадѣвской
льнички“ 2 к.	и др. рассказы 10 к.
13 Н. М. Митропольскій—Бода . . . 2 к.	62 Н. Буяницъ—Наль городовъ . . . 1 к.
14 ^р А. Серафимовичъ—Местъ 3 к.	63 Елизаветинскій—Отлагаю мой
15 Л. Мелашкинъ—Исторна 3 к.	соколникъ (изъ сибирск. жизни) 2 к.
16 Л. Мелашкинъ—Чертогъ Яръ . . 4 к.	64 Н. Степановичъ—Эмигрантъ 3 к.
17 Л. Н. Андреевъ—Гостиница . . . 2 к.	65 Избранная стихотворенія С. Я.
18 Л. Н. Андреевъ—Пѣтыкъ на дачѣ 2 к.	Надсона и др. поэтовъ 3 к.
19 В. Г. Короленко—Маман на поятъ 3 к.	66 Л. Андреевъ—Ангелочка 3 к.
20 Л. Андреевъ—Въ Сабуровъ . . . 2 к.	67 Л. Андреевъ—Идилли 3 к.
21 В. П. Евдокимовскій—Страховка 2 к.	68 Считалка—Атамань 2 к.
22 П. А. Власовъ—Мой день 2 к.	69 Серафимовичъ—Въ камышахъ 2 к.
23 В. Г. Короленко—Ночью [съ рис.	70 Н. Рубиничъ—Дядушка Время 7 к.
Е. Вемъ] 5 к.	71 А. Яблоновскій—Завѣтная
24 В. И. Тиммолевскій—Среди людей 5 к.	ночка 3 к.
25 С. Ф. Русова—Биографія Гари-	72 С. Елизаветинскій—Присяжникомъ
бальди [съ портр.] 4 к.	заслѣдателемъ 2 к.
26 С. Т. Семеновъ—Отчего Параш-	73 Вересаевъ—Къ шлѣху 1 к.
на не влучалась грамота? 3 к.	74 А. Серафимовичъ—На льдинѣ 3 к.
27 Н. Н. Златовратскій—Мечтатели 4 к.	75 Л. Мелашкинъ—Маленькіе люди 4 к.
28 Н. Данченко, Мэхмудкина дѣти 3 к.	76 Е. Н. Буяницъ—Что за страна
29 Э. Онешко—Гедана 3 к.	Японія 5 к.
30 С. Юшневичъ—Ханюка и Ясыка 2 к.	77 ^р Являлова—Свидѣтель 8 к.
31 В. Вересаевъ—Въ пути 1 к.	78 Н. Д. Толешкинъ—Хлѣбъ-соль 1½ к.
32 И. Франкъ—Самъ оловать 1½ к.	79 ^р С. Русова—На счастливыхъ остро-
33 Н. Алексѣевъ—Изъ-за хлѣба на-	вахъ 6 к.
сущаго. „Линий“ 1½ к.	80 В. Г. Короленко—Соколникъ 7 к.
34 Серафимовичъ—Стрѣлочникъ 3 к.	81 Е. Н. Черниковъ—Колы и Колыка 2 к.
35 В. Вересаевъ—Въ сухонъ туманъ 2 к.	82 С. Евлевскій—Огорченіе 3 к.
36 Н. М. Митропольскій—Отсрочка 1 к.	83 С. Русова—Братья Грачки 3 к.
37 А. Яблоновскій—Уаружилъ . . . 1 к.	84 Н. Толешкинъ—Нужда 1½ к.
38 И. Франкъ—Хорошій зара-	85 Избр. стихотъ. Алексѣя Толстого
ботокъ 1 к.	и др. поэтовъ 8 к.
39 ^р Мать (перевъ съ франц.) 1½ к.	86 ^р Молодая жизнь 7 к.
40 Остай—Подсмирихъ 2 к.	87 Э. Золя—Кровь 3 к.
41 Неарасовъ и Викитинъ—Из-	88 Тавъ—Елиза въ Америкѣ 3 к.
браннымъ стихотвореніемъ 4 к.	89 Г. В. Гусевскій—Булка 3 к.
42 Н. А. Буяницъ—Байбаки 3 к.	90 В. Г. Короленко—Мгновеніе и
43 А. И. Петровскій—Не зная . . . 1 к.	Огоньки 2 к.
44 В. Г. Короленко—Вѣдья крымца 2 к.	91 Пѣсни мара. Сборн. стих. 2 к.
45 А. Серафимовичъ—Въ бурѣ . . . 3 к.	92 В. И. Данченко—Слованная
46 А. Яблоновскій—Комскрадь . . . 3 к.	ночь 1 к.
47 И. Франкъ—На дѣ 9 к.	93 Н. П. Евдокимовскій—Страшное
48 Какъ вынаѣли крестьяне влуч-	нѣста 1½ к.
или свое положеніе 6 к.	

Издавна Н. Парамонова „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

94 О. Марко—Брестга 1 к.	126 Петербургъ—Въ глуши 3 к.
95 Годы—апластались 12 к.	127 Ишпенята—Кабачкино Гетемаръ 1 к.
96 Н. Н. Тамбовскій—Травля 5 к.	128 Чамовитъ—Въ степи 1 1/2 к.
97 Вилькицъ—Волость Маломая 1 к.	129 Ковошицкая—Менать Гланский 3 к.
98 Н. Фоминъ—Къ святу 3 к.	130 А. Пургалякъ—Милитонъ 6 к.
99 Е. Чирковъ—Въ отставку 7 к.	131 Осиповичъ—Въ лѣтнюю ночь 2 к.
100 Зарницы—Сборникъ стихотвореній 5 к.	132 Геза—Елагатовитальность 2 к.
101 Л. Андреевъ—На станціи 1 к.	133 Какъ люди живутъ 3 к.
102 В. Букичъ—На край свѣта 1 1/2 к.	134 Какъ явница добыла себя свободу 3 к.
103 Н. Рубанка—Исторія 5 к.	135 Юпановичъ. Песни Гена 3 к.
104 Н. Короленко—Марусина записка 10 к.	136 Якутцакъ—Какъ выбирать народы. христианства 1 к.
105 П. Я. (Л. Мещеряковъ)—Избранныя стихотворенія 6 к.	137 Разрушенный моль 1 к.
106 Л. Н. Андреевъ—Въ темную даль 3 к.	138 Успенскій—Нелюбимый 5 к.
107 Л. Н. Андреевъ—Вздох 2 к.	139 Вунякъ—Чернышъ 3 к.
108 В. Верещака—Объ шпиль дѣла 3 к.	140 Л. Андреевъ—Преклоняи кража 1 1/2 к.
109 В. Короленко—Последній путь 3 к.	141 Колошицкая—Дѣлъ 1 1/2 к.
110 В. Короленко—Жорель 4 к.	142 Национальное самоуправленіе 1 1/2 к.
111 Л. Калыжикъ—Въ лѣтнюю 3 к.	143 Новая нагорная проповѣдь 2 к.
112 М. Сибирякъ—Въ думѣхъ нудата 4 к.	144 Мѣстное самоуправленіе 3 к.
113 Чернышъ—Таняно счастье 7 к.	145 Псалмъ исповѣданъ гражданства 1 1/2 к.
114 Н. Рубанка—Книжачка 12 к.	146 Въ странѣ свободныхъ крестьянъ (Норвѣгій) 2 к.
115 Короленко—Сказаніе о Флорѣ 3 к.	147 Варсвій—Бѣда испода 3 к.
116 Л. Андреевъ—Воскнѣніе аѣшшакъ 3 к.	148 О земельныхъ вопросахъ въ Росс. Зѣлѣна 2 к.
117 Н. Намянскій—Пожь 1 1/2 к.	149 Санъ роля 1-е мая 3 к.
118 Буддаляцкавъ—Ослеперъ, другъ фабричныхъ дѣтей 3 к.	150 Паукиа нути (жарус и жаророс. къ) 1 к.
119 Вреловъ—Въ родинѣхъ мѣст 5 к.	151 Сказаніе о царѣ Симеонѣ 6 к.
120 В. Г. Короленко—Государены вѣстки 7 к.	152 Хватить-ли на свѣтъ землем 2 к.
121 М. Колошицкая—Ятонецъ 1 1/2 к.	153 Что такое государственная роспись 2 к.
122 А. Яблоковскій—Нудикъ 3 к.	154 Бѣгство короля 2 к.
123 П. Бутошникъ—Случай № 212 1 к.	155 Национальн. ради (на малорос.) 2 к.
124 С. Русова—Какъ болгары добыли себя свободу 6 к.	171 Серафимовичъ Пѣтъ землем 3 к.
125 В. Короленко—На затѣнѣхъ 3 к.	172 О. Звонскій Въ мѣртъ аѣлѣмѣ 1 1/2 к.
	173 На Намянскій Брѣтѣ 2 к.

Склады книгоиздательства „Донская Рѣчь“
въ Ростовѣ на Дону, Казанская ул., № 42

С.—Петербургъ, Спасскій переулокъ, № 5.

Лица, желающіе купить на 3 руб., въ предѣлахъ Европ. Россіи (просить деньги присылать впередъ, можно нарданъ), за пересылку не платятъ.

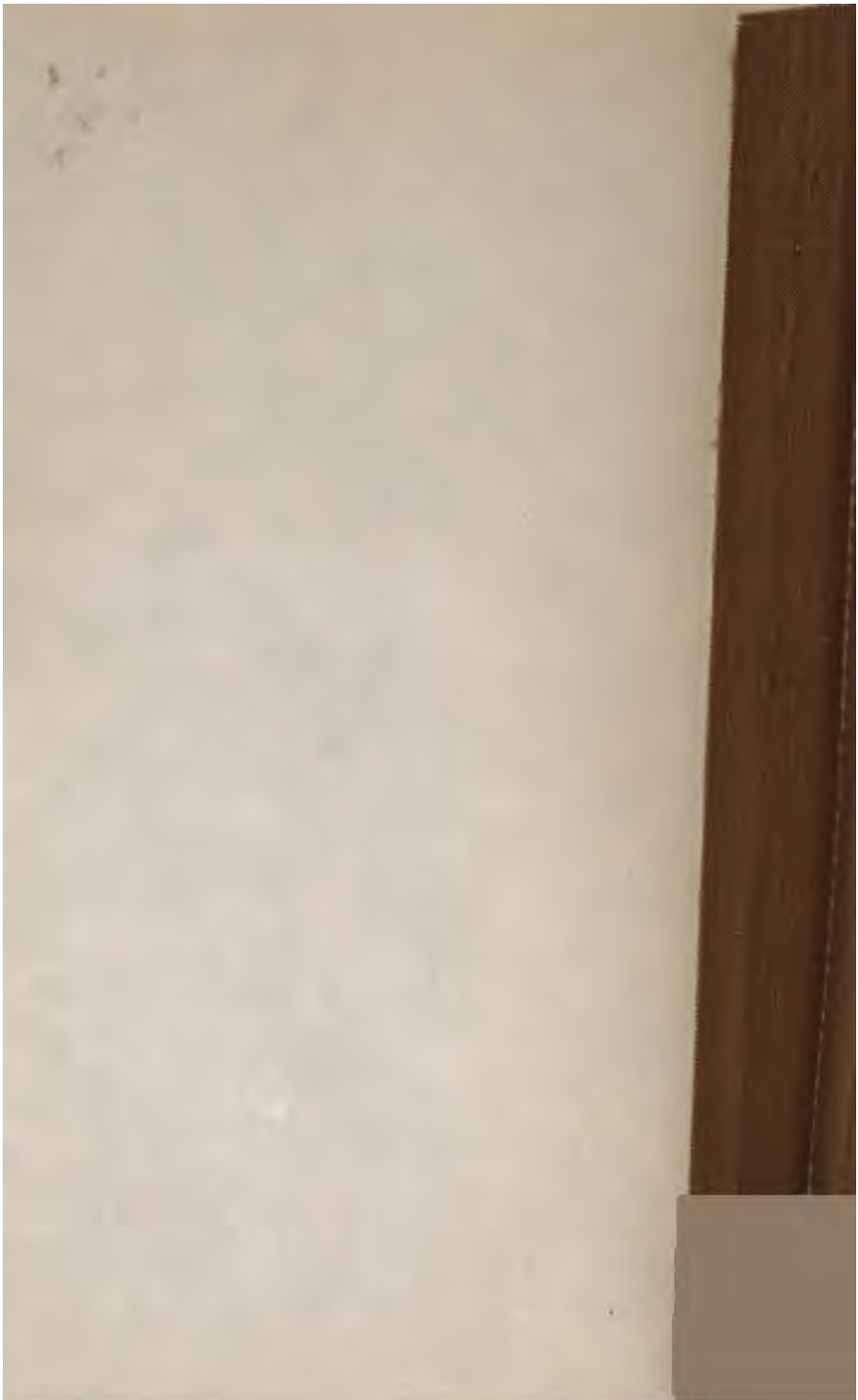
Книжные магазины пользуются 30% скидкой.

ОТДѢЛЕНІЯ:

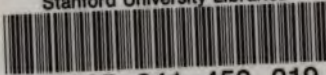
Въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“, книж. магаз. Пугачевон
Въ Одессѣ—въ анжикномъ магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская ул.
Въ Вяткѣ, въ Саратовѣ и Харьковѣ—въ анжикномъ складѣхъ губернскихъ земствъ.

Донск. книж. Ростовѣ н-Д. Типографія „Донская Рѣчь“.

Deviatnadsatyí viek v Istorii
Stanford University Libraries

3 6105 041 450 219

DK
189
K5

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

DEC 30

